

А.В.Гудкова

РАННЯЯ КРУЖАЛЬНАЯ КЕРАМИКА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

A.V. Gudkova. Early Wheel-Thrown Pottery of Cherniakhov Culture.

Many years of efforts to clarify chronology of Cherniakhov culture led to a possibility to study evolutions of typical elements of culture. The article analyses early Cherniakhov wheel-thrown pottery. It comes from early sites, identified on basis of chronologies proposed by a number of researchers. It gives description of this pottery, its comparison with pottery belonging to cultures found in the Carpathian region and Wielbark culture. It has been determined that none of them gave foundations for development of early Cherniakhov wheel-thrown pottery, although a number of links can be identified. An idea that the Cherniakhov pottery was based on a powerful impact combining La Tène (indirect), Central-European-German and provincial Roman features, has acquired further evidence and foundation for further development.

One of possible ways to develop this idea lies in studying the appearance of proto-Cherniakhov wheel-thrown grey clay pottery on sites belonging to late Scythians on the North-Western Black Sea Coast dated by the first half of the I millennium AD.

A special topic is a preliminary observation of ethnic and cultural features of interments, which yielded the studied Cherniakhov pottery. The grave goods found in majority of these interments include hand-made pottery with Wielbark, Przeworsk and German (Elba pots) features. Every fifth interment contains golden and silver articles, in proportion untypical of Cherniakhov culture. The individual finds are represented by artefacts of Central and North-Eastern European, less frequently, Roman origin. No Dacian elements were found.

Изучение черняховской керамики в целом без разделения комплексов, относящихся к разным стадиям культуры (в первом приближении ранней, развитой и позднейшей финальной), на настоящем уровне знаний об этой культуре становится, мягко говоря, мало продуктивным. Понять по-настоящему отражение этнокультурных проблем в черняховской сероглиняной гончарной керамике, – а ее используют для этого достаточно часто, – можно только в том случае, если она будет рассматриваться в ее эволюции во всех опосредствованиях, возникавших на различных стадиях развития культуры и часто сильно отличавшихся на разных территориях и в разное время. Речь идет, примерно, о полутора-двух веках эволюции в пределах III-IV вв.н.э. К настоящему времени проблема хронологии памятников черняховской культуры изучена довольно подробно. Мы имеем в виду работы И.А.Бажана и О.А.Гей (Бажан, Гей 1992; Гей, Бажан 1997), Е.Г.Гороховского (1988), И.Ионицэ (Ioniță 1986), И.Тейрала (1987), О.В.Шарова (1992), М.Б.Щукина (1975; Щукин, Щербаква 1986), который выделил ранний горизонт черняховской культуры (Щукин 1979, 1981), и других исследователей. Сейчас же создается впечатление, что пока внутренние возможности аналитического подхода к материалу в этом вопросе на какое-то время исчерпаны.

Очевидно, настало время попытаться применить существующие хронологические разработки для анализа истории развития во време-

ни различных аспектов культуры (до сих пор по вполне понятной причине внимание в этом отношении было сконцентрировано в основном на датирующих вещах), в частности, сероглиняной кружальной керамики. Первое такое исследование еще тридцать лет тому назад было выполнено А.Т.Смиленко (1970). Некоторые ее наблюдения, в частности об эволюции форм шероховатых горшков не утратили значения и по сей день. О.В.Шаровым на базе новейших хронологических разработок было проведено в два этапа изучение ранней черняховской керамики (Шаров 1992; 1999). По материалам трех могильников Ружичанка, Косаново и Данчены им были выделены типы ранних форм посуды, как лепной, так и гончарной, которые он использовал в качестве хроноиндикаторов в своих хронологических построениях. Выделенные типы рассмотрены им в горизонтальных хронологических срезах бытования сходных форм лепной и гончарной посуды, в основном германских племен. Результаты этих наблюдений увязаны с историей переселений племени бургундов в том виде, как она вырисовывается на основе письменных источников (Шаров 1991; 1999: 58-63). Керамика, тоже лепная и гончарная, в качестве хроноиндикаторов использована так же О.А.Гей и И.А.Бажаном (1997). Таким образом, работа над хронологизацией черняховской керамики уже начата. Однако она столь сложна и требует обработки столь объемного материала, что каждый из исследователей пока идет своим независимым

путем, применяя свою методику. Конечно, наступит момент, когда будут выработаны в целом общие пути подхода к проблеме, как это было, например, при коллективном штурме изучения хронологии культуры. Но сейчас этого еще нет. Поэтому мы не вступаем в полемику с нашими предшественниками. Максимум, что пока можно было бы сделать – это сравнить результаты. Но и это достаточно затруднительно, так как в настоящей работе рассматривается только кружальная черняховская керамика.

Предпринимая попытку выделения и анализа гончарной посуды начального этапа культуры, мы не проводим самостоятельного исследования ее хронологии, а используем предложенные на сегодня определения ранних комплексов и памятников. Их перечень у разных исследователей частично различается. Это заставляет пояснить, как создана выборка памятников, керамика которых исследуется в настоящей статье. Нами составлен полный сводный список наиболее ранних памятников. Исследование, основанное на их картографировании (Гудкова 1997), и метод отбора материала не вызвали возражения исследователей на конгрессе славянской археологии в Новгороде в 1996 г. и настоящая статья является продолжением работы в том же русле. Верхним хронологическим рубежом рассматриваемого периода для нас является время прекращения готских походов, примерно 270 г. н.э. Исторически этот временной рубеж представляется достаточно переломным и важным. Однако в археологическом материале изменения наступают, естественно, не сразу. Поэтому целый ряд комплексов в системе европейской относительной хронологии датируют довольно большим нерасчленным отрезком времени – фазы С1b – С2. И если памятник, датируемый таким образом, может рассматриваться как частично принадлежащий начальной стадии черняховской культуры, то выделить в нем ранние комплексы с кружальной керамикой подчас оказывается невозможным. Поэтому и материалы таких памятников за редким исключением остались за рамками нашего исследования.

Перечень используемых ранних памятников и комплексов выглядит следующим образом: нижний горизонт поселения Башмачка (Смиленко 1992) и поселение Бовшев, яма № 49 (Баран 1981); могильники Городница (Тиханова 1957), Данчены, погребения 10, 122, 169, 234, 241 и 371 (Рафалович 1986), Деревянное (Кухаренко 1980), Журавка, погребения 20, 21, 33, 34 (Сымонович 1960, 1961), Завадовка, погребения 2 и 5 (Кравченко 1973), Косаново, погребение 19 (Кравченко 1967), поселение Незвиско, ямы № 31 и 32 раннего черняховского слоя (Смирнова 1964; Щукин 1972), Привольное, погребение 6 (Кухаренко 1955), могильники Раковец-Чесновский, погребение 4 (Винокур, Островский 1967), Романковцы, погребения 47

и 105 (Никитина 1996: 70-171), Ромашки, погребения 41 и 43 (Сымонович 1979), Ружичанка, погребения 1, 8, 24, 25, 30 и 50 (Винокур 1979), Токи, погребения 6 и 7 (Герета Звіти), поселение Черепин, жилища 4, 5 и 6 (Баран 1981), могильник Чернелив-Русский, погребения 46, 89, 90, 96, 103, 130 и 131 (Герета Звіти).

Этот список требует комментариев по некоторым позициям. На поселении *Башмачка* нижний горизонт вскрыт на значительной площади. Он датируется III в. и к нему относятся постройки № 1-7 и 14-16 (Смиленко 1992: 89). Материалы могильника *Деревянное* используются в целом, так как комплексы определить нельзя. Часть исследователей рассматривает его как раннечерняховский, часть – как вельбаркский. Это тот случай, когда оба разнокультурных ингредиента настолько весомы, что культурная принадлежность памятника на современном уровне знаний выглядит двоякой. Его материалы пригодны для нашей темы потому, что по времени он относится к интересующему нас периоду, а гончарная керамика выглядит как черняховская. Поселение *Незвиско* представляет собой памятник со сложной и по-разному понимаемой стратиграфией. После исследования М.Б.Щукина (1972) возможность выделения раннего черняховского горизонта выглядит хорошо обоснованной. М.Б.Щукин пишет, что «...первое знакомство обитателей Незвиско с гончарной черняховской керамикой произошло в середине или первой половине III в.» (Щукин 1972: 140). Могильник *Ромашки* в целом поздний, однако, в погребениях 41 и 43 находились, соответственно, подвзаяная фибула варианта 1 (по А.К.Амброзу) и поясная пряжка из двух овальных колец с подвижным язычком. Возможно, эти два погребения из числа самых поздних среди отобранных нами раннечерняховских. О.А.Гей допускает переживание фибул варианта 1 в Среднем Поднепровье (Гей 1993: 150) на основе общей археологической ситуации в этом районе. Погребение же 43 Е.Л.Гороховский отнес к фазе 1/2, которую он датирует, начиная с середины III в. (Гороховский 1988: 45; рис. № 37). Могильник *Ружичанка* уникален по количеству ранних погребений. Е.Л.Гороховский даже назвал первую фазу черняховской культуры ружичанской (Гороховский 1988: 42). Однако у авторов, занимавшихся датировкой его комплексов, нет единого мнения в определении их абсолютных дат. Нами отобраны те погребения, ранняя датировка которых предлагается несколькими авторами. Проанализировать в полном объеме керамику из погребений № 12, 24 и 50 оказалось затруднительно, так как в публикации не для каждого сосуда можно с уверенностью определить, в какой технике он изготовлен. Нами использованы только те сосуды, о которых известно, что они были сделаны на гончарном круге. Датировкой отдельных погребений мо-

гильника *Чернелив Русский* занимались Е.Л.Гороховский (1988) и О.А.Гей и И.А.Бажан (1997), и, хотя ими был применен один и тот же корреляционный метод, перечни ранних погребений у них полностью различны. Нам не осталось ничего другого, как их объединить. К сожалению, не удалось использовать в полной мере чрезвычайно интересную керамику раннего могильника *Тодирень*, поскольку в публикации (Ioniță 1982: 92-93) сосуды не описаны и не указано, какие из них сделаны на кругу.

Задача настоящей статьи выявить облик раннечерняховской кружальной посуды и рассмотреть на основе типологического сопоставления возможность ее генетических связей с керамикой предшествующих по времени культур циркумкарпатского региона и вельбаркской культуры. Если сформулировать еще определенной, речь идет в основном о том, связано ли становление ранней гончарной керамики черняховской культуры с весомым влиянием культур гето-дакийского круга, пшеворской и вельбаркской культур. В тех случаях, когда выявленные в материалах этих культур аналогии оказываются не эндогенного происхождения, их истоки нами не рассматриваются. Это тема отдельного исследования. В соответствии с поставленной задачей мы стремились воспро-

извести в наших иллюстрациях все анализируемые ранние сосуды. Однако в нескольких случаях, которые оговорены по ходу описания конкретных форм, по техническим причинам выполнить, сколько-нибудь удовлетворительные рисунки с отдельных изданий и полевых отчетов, оказалось невозможным. Кроме того, в некоторых публикациях отсутствуют рисунки сосудов, упомянутых в тексте. Отсутствие на ряде рисунков масштабов – результат их отсутствия в исходных изданиях. Кроме ранних черняховских форм, в иллюстрациях приведены для сравнения основные формы гончарных сосудов из керамики культур, с которыми ведется сравнение. В некоторых случаях мы сочли целесообразным дать, если так можно выразиться, «отрицательный» сравнительный материал, чтобы показать невозможность или сомнительность генетических связей. В первую очередь это касается вельбаркской керамики, поскольку достаточно распространено мнение о том, что многие формы лепных вельбаркских сосудов послужили прототипами для форм черняховских гончарных изделий. Сравнение с керамикой вельбаркской культуры ведется на основе работы Р. Волягевича (Wołagiewicz 1993) как наиболее полной на сегодня сводки. Перейдем к описанию и анализу конкретных форм сосудов.

Столовая керамика из тонкой глиняной массы

Наиболее многочисленной формой посуды оказались миски. Они традиционно разделены на две группы: открытые и закрытые. У первых максимальный диаметр сосуда совпадает с диаметром его устья, а максимальный диаметр корпуса меньше него или же равен ему. У вторых – максимальный диаметр корпуса является и максимальным диаметром сосуда, а диаметр устья меньше него. Внутри каждой группы выделены типы, которые в большинстве случаев мягко как бы перетекают друг в друга, и четкую грань между ними временами трудно провести. Да и внутри типов нет полной однородности в деталях и степени их выраженности. Возможно, это свидетельствует о том, что типы сосудов еще не устоялись и находились в процессе выработки. Это обстоятельство и сравнительно малое количество сосудов в анализируемой выборке заставило отказаться от дробной классификации. Формы некоторых сосудов оказались уникальными, и они рассматриваются отдельно.

Открытые миски (рис. 1, 2). Логическое развитие формы идет от конических или сегментовидных мисок с немоделированным или почти невыделенным венчиком к сосудам с развитым венчиком, с шейкой и реберчатым перегибом корпуса.

Тип 1 (рис. 1: 1-17) – внутри не совсем однороден и может быть расчленен. Однако сравнительно малый объем рассматриваемой вы-

борки заставляет отказаться от подробной типологизации. Выделены две группы сосудов.

Округлые миски наиболее простой формы (рис. 1: 1-5)¹ со слабым развитием ее элементов, низкие, широко открытые, с венчиком, едва намеченным в виде простой краины. Шейка практически отсутствует. Придонная часть может быть вогнута вовнутрь. Дно не выделено или имеет слабо проработанный кольцевой поддон. Внешняя поверхность залощена или хорошо заглажена. Орнамента нет.

Подобные миски с непрофилированным, либо едва намеченным венчиком и слабо вогнутой внутрь придонной частью находят себе аналогии в керамике пшеворской культуры. В материалах с территории Польши Х.Добржанская выделяет тип XXIX/1 (Dobrzańska 1980: 113, гус. 11: b) (рис. 1: 18), бытующий в фазе С1в (по К. Годловскому это 220 – 260 гг.). Он может быть в определенной мере сопоставлен с рассматриваемой формой. Д.Н. Козак определяет лепные миски, подобные гончарным раннечерняховским, как особый тип (Козак 1984: рис. 19: 22) для пшеворских памятников Верхнего Поднепровья, датируемых им с середины I в. до н.э. до конца III в.н.э., что соответствует позднему латену (II и III) и стадиям B1, B2, C1 C2

¹ Места обнаружения соответствующих черняховских сосудов указаны в подписях к рисункам.

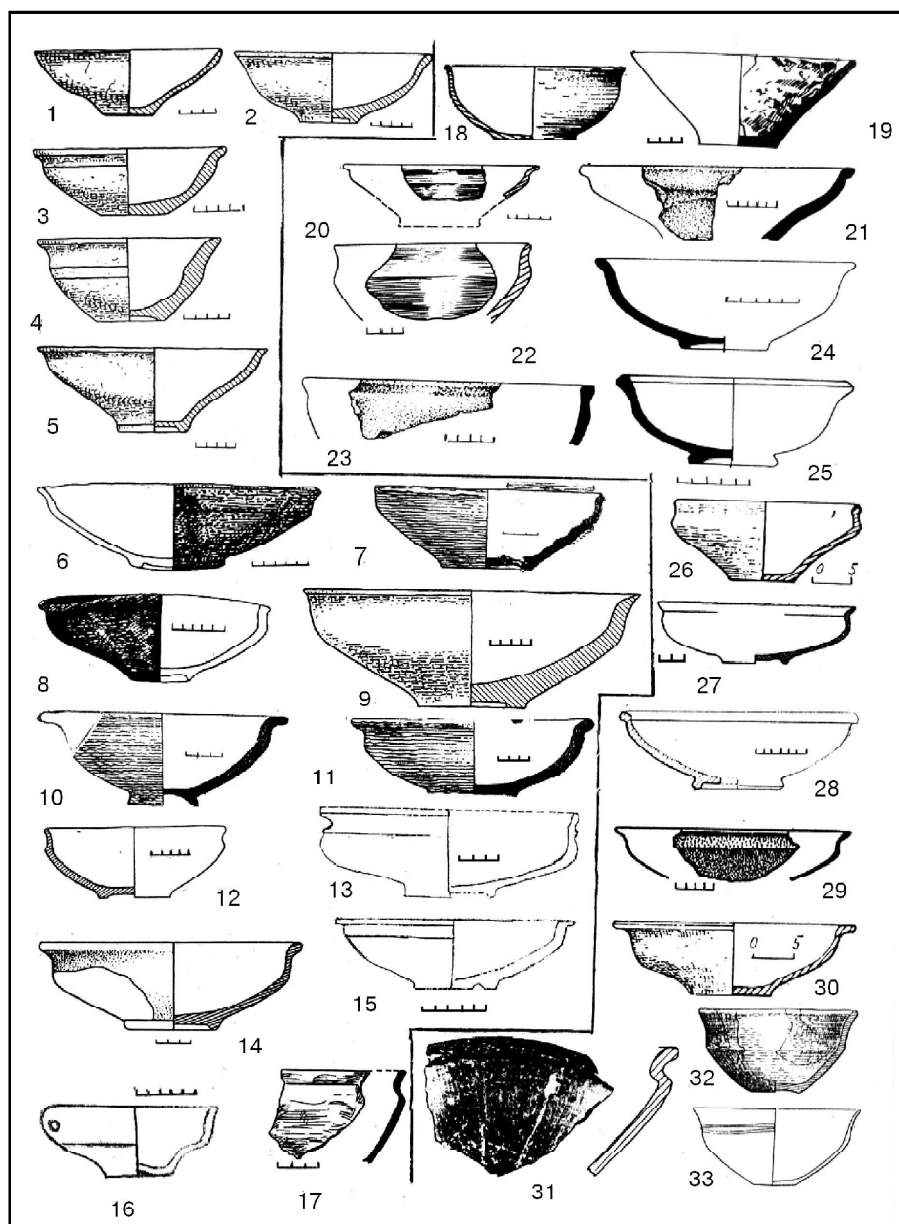

Рис. 1. Открытые округлые миски, тип 1. 1-17 - черняховская культура: 1-5, 9 - могильник Ружичанка, погребения 30, 50, 8, 1, 50; 6, 8 - мог. Романковцы, п. 47, 105; 7, 10, 11 - мог. Данчаны, п. 169, 371 (два сосуда); 12 - мог. Деревянное; 13, 14 - мог. Завадовка, п. 2; 15, 16 - мог. Журовка, п. 20 и 21. 18-33 - материалы для сравнения: 18-23, 26, 30 - пшеворская культура; 24, 25 - керамика карпов; 27 - керамика даков Олтении; 28 - керамика даков Мунтени; 29 - культура карпатских курганов; 31 - Восточная Словакия; 32, 33 - вельбаркская культура.

римского времени (Козак 1984: 45). В этом районе они известны, начиная с самых ранних памятников, в частности в Подберезцах и Хорове (Козак 1984: рис. 29: 5; 33: 9) (рис. 1: 19, 20). Специфическим признаком рассматриваемых мисок является более или менее выраженная вогнутость придонной части стенок внутри сосуда. Такой абрис нижней части различных сосудов характерен для пшеворской керамики. У мисок он известен еще в позднем латене (Godlowski 1981: tabl. 1:16; Козак 1984: рис. 19: 5) (рис. 1: 26).

Округлые миски с отогнутым наружу венчиком и дисковидным или кольцевым поддоном, близкие по форме к сегменту шара (рис. 1: 6-12, 14, 15), имеют более широкий круг аналогий. Они известны в пшеворской культуре со времени позднего латена (Godlowski 1981: tabl.

1: 11) (рис. 1: 30). На пшеворских памятниках Верхнего Поднепровья этого времени такая форма лепных мисок была обычной. Они обнаружены в частности в Подберезцах и Хорове (Козак 1984: рис. 28: 13; 33: 11; 34: 10) (рис. 1: 22, 23).

В культуре карпатских курганов подобные сосуды известны в гончарной мастерской Печенежина, которая по геомагнитному анализу датируется серединой III в. (Вакуленко 1977: табл. XIV, 18; 124) (рис. 1: 29).

В культуре Поянешть-Вуртишкой сходные гончарные сосуды, в основном сероглиняные, реже красноглиняные, являются обычной керамической формой (Vichir 1973: pl. XC: 11; XC: 3, 46; XCII: 3 - 5) (рис. 1: 24, 25). Об их местном дакийском производстве свидетельствуют находки обломков в гончарной мастерской посе-

ления Бутнарешть. Само это поселение не дало узко датированных находок, и время его существования определяется по его могильнику, который функционировал с конца II до середины III в. (Bichir 1973: 148, 151). Это дает некоторую возможность уточнения даты интересующих нас изделий. Однако многочисленность находок на разных памятниках позволяет думать, что они бытовали на протяжении всего существования культуры Поянешть-Выртишкой или культуры карпов², которую Г. Бикир датирует в промежутке времени между 107 и 318 гг. н. э.

Не исключено, что в разных гончарных центрах на территории, соответствующей северовостоку современной Румынии, форма описываемых сосудов несколько варьировала. На это указывают материалы обоих могильников Вэлень. Оставившее их население исследователи определяют как свободных даков (Ioniță, Ursachi 1988). Интересующие нас сосуды выделены по этим материалам в весьма распространенный тип 4 (Ioniță, Ursachi 1988: 71; fig. 66: 1, 2, 4). Они отличаются тем, что у них слабо намечается ребро на перегибе корпуса.

Подобные формы мисок с несколько утолщенным венчиком были распространены и у даков Мунтении (Bichir 1984: pl. XXIX: 13; XXXI: 10, 11, 15) (рис. 1: 28). На памятниках Олтении сходные по форме миски довольно обычная находка (Popilian 1976: pl. LXVII: 814, 816) (рис. 1: 27). Они входят в выделенный Г. Попилян тип 2. Их особенностью является красно-коричневое покрытие. Весь этот тип, в который входят и сосуды несколько иной формы, он датирует II в. (Popilian 1976: 123).

Материалы с поселений Восточной Словакии свидетельствуют о бытовании на них мисок в определенной мере подобных рассматриваемым (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 16: 3; 24: 5). М. Ламиева-Шмидлова определяет их как пшеворские.

Единичные округлые миски выделены по признаку зарождения ребра при переходе очень короткой шейки в тулово (рис. 1: 17). Аналогии им так же редки, как и сама эта форма. Очень сходные миски происходят из Восточной Словакии с поселений Шебастовце-Барка и Педер (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 16: 3; 24: 5) (рис. 1: 31). Автор публикации считает их пшеворскими. Поскольку форма нижней части сосудов этого облика не известна, то дальнейшие поиски аналогий оказываются затруднительными и малопродуктивными. В типологии керамики из Польши Г. Добржанская приводит в фазе С1а (по К. Годловскому 150-200) глубокие лепные сосуды, верхняя часть которых соответствует рассматриваемой форме

² Нами для удобства изложения и сравнения не рассматривается проблема выделения отдельного существования этой культуры как культуры карпов.

(Dobrzańska 1990, II: гус. 19: 51, 52, 60). В вельбаркской культуре некоторой аналогией для рассматриваемой формы могут быть лишь отдельные варианты мисок типа ХаА (Wolagiewicz 1993: tabl. 27: 3,4) (рис. 1: 32, 33).

Единичная миска вычурной формы из погребения 2 могильника Завадовка (рис. 1: 13), хотя и не глубокая, имеет четкий перегиб корпуса, над которым находится то ли валик, то ли наплыв (по рисунку в публикации это не ясно). Форма для черняховской культуры не характерная. Найти ей убедительные аналогии в циркумкарпатском регионе не удалось. Не занимаясь этим специально, отметим попутно, что аналогичная форма известна у кельтов (Шаров 1999: табл. 28: 2).

Гончарная миска с ручкой-ушком из могильника Журовка (рис. 1: 16) в рассматриваемом типе стоит особняком. Венчик в виде простого края стенки слегка отогнут наружу. Придонная часть стенки вогнута внутрь. Небольшая ручка-ушко прикреплена к венчику и ребру. Сосуд сделан на гончарном круге, хотя полностью повторяет лепную вельбаркскую форму (Wolagiewicz 1993: tabl. 28: 1-5), что, скорее всего, и определяет его происхождение. Возможно, эта миска, как подражание лепной вельбаркской форме, явление не совсем единичное. Так в ранней постройке № 15 поселения Башмачка найден «обломок кружальной миски с наклепным псевдоушком» (Смиленко 1992: 42; рис. 25: 4).

Тип 2 (рис. 2) — реберчатые миски с резким перегибом корпуса обычно в виде ребра. Этот тип имеет три разновидности. Стенки верхней части этих мисок могут быть отклонены наружу (рис. 2: 1) или бывают поставлены вертикально (рис. 2: 2-5)³. Тогда сосуд имеет цилиндрико-коническую форму. Либо же стенки изогнуты и верхняя часть миски имеет, условно говоря, *S-видный* профиль (рис. 2: 6-9). Если их форму характеризовать более точно, то можно сказать, что это миски с вогнутой верхней частью и реберчатым перегибом тулова. Венчик у всех разновидностей округлый, всегда отогнут наружу и иногда утолщен. Дно на кольцевом поддоне. Орнамент обычно отсутствует. Лишь у одного сосуда над ребром имеются прочерченные (?) концентрические линии (рис. 2: 4). *Все три деривата описываемого типа имеют аналогии в пшеворской культуре.*

Сосуды с расширенной верхней частью (рис. 2: 1) по материалам гончарных центров Малопольши выделены в тип 1, подтипы Аа, Аб, В, возможно, Вв и тип 5, который отличается низким положением максимального диаметра. В этом районе они бытуют в фазе С1б (по К. Годловскому) (Dobrzańska 1990, I: гус. 10, 1Аб; 1Вб,

³ Миска из Ружичанки п. 30 (рис. 2: 5) воспроизведена в такой форме, как она издана, и судить о ее истинной форме в деталях трудно, поскольку левая и правая части выглядят по-разному)

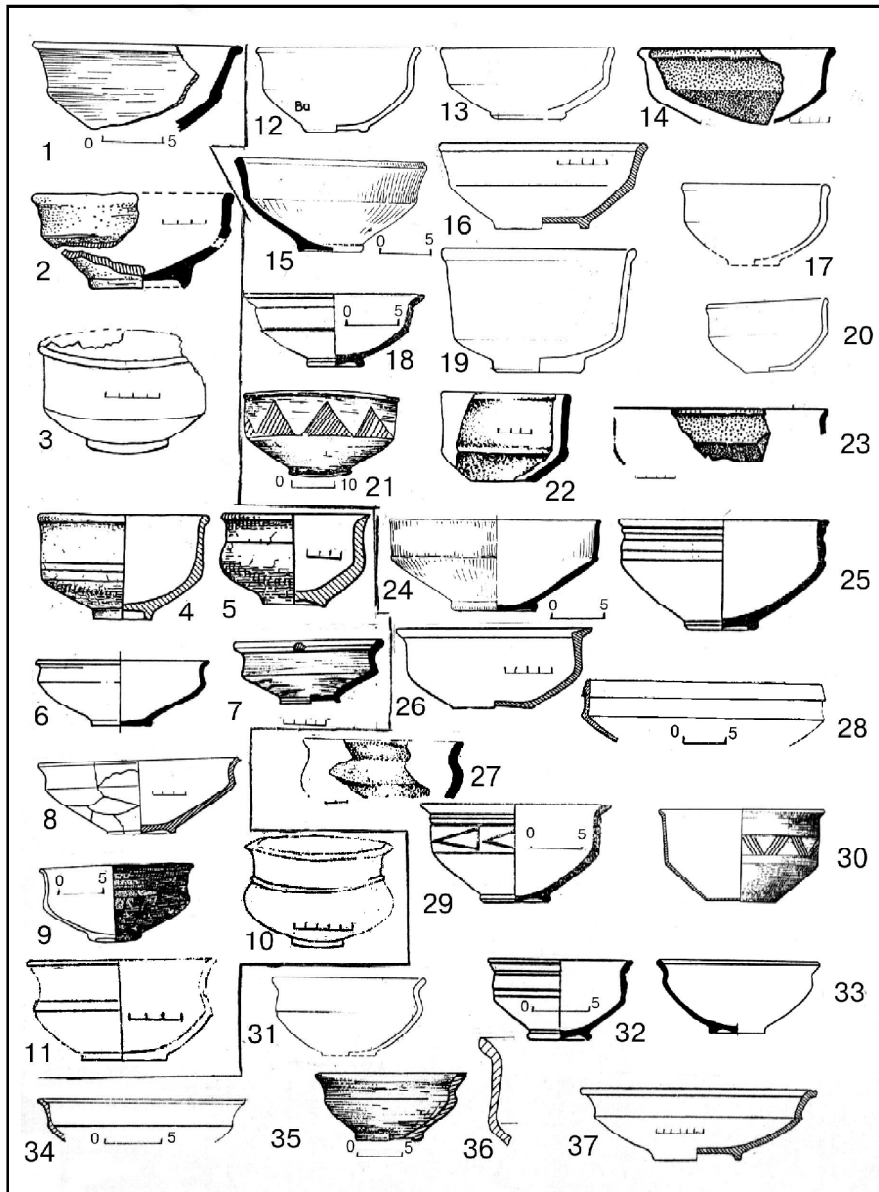

Рис. 2. Открытые миски с перегибом тулова. 1-11 - черняховская культура: 1, 2 - пос. Черпин, жилища 6 и 4; 3, 7 - мог. Чернелив Русский, п. 96; 4, 5 - мог. Ружичанка, п. 1, 30; 6 - пос. Бовшее, яма 49; 8, 11 - мог. Ромашки, п. 41 (два сосуда); 9 - мог. Романковцы, п. 47; 10 - мог. Токи, п. 6. 12-37 - материалы для сравнения: 12, 13, 17, 19 - 22, 27, 31, 35 - пшеворская культура; 14, 23 - культура карпатских курганов; 15, 24, 33 - керамика карпов; 16, 26, 37 - керамика даков Олтении; 18, 25, 29, 32 - керамика населения верхнего Потисья; 28, 34 - керамика даков Мунтении; 30 - вельбаркская культура; 36 - Восточная Словакия.

11b, 5; II: гус. 19) (рис. 2: 12, 19). Полезно обратить внимание на то, что в пшеворской культуре подобную форму имеют и некоторые шероховатые миски (Dobrzańska 1990, 1: гус. 12: 28) (рис. 2: 13).

Расширенные сверху миски известны в гончарных мастерских поселения Печенежин культуры карпатских курганов (Вакуленко 1977: табл. XIV: 16) (рис. 2: 14) и представляют собой обычную находку на памятниках карпов (Bichir 1973: tabl. LXXX: 3; XC: 4) (рис. 2: 15). У населения Мунтении имеются подобные миски, но большего диаметра и с сильно отогнутым венчиком (Bichir 1984: pl. XVIII: 2). В Олтении сосуды рассматриваемой формы встречаются достаточно часто (Popilian 1976: pl. LXLIV: № 778, 779) (рис. 2: 16). Подобные миски из гончарной мастерской Лужанка в Закарпатье отличаются наличием бороздок и валиков между ними (Котигорошко 1995: рис. 20: 18, 19) (рис. 2: 18).

Сосуды цилиндро-конической форм (рис. 2: 2-5) – тоже достаточно распространены. В пшеворской культуре в фазе С1b подобные миски составляют тип XX-1 (Dobrzańska 1980: гус. 8: a; s. 109) (рис. 2: 21). Известны они и в мастерских района Иголоми и округи, причем и в столовом, и в грубоглиняном хозяйственном варианте (Dobrzańska 1990, I: гус. 10: 1с и 5; 12: 29а, в) (рис. 2: 17, 20). На Верхнем Днестре почти целая миска этой формы найдена на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 29: 12) (рис. 2: 22). У даков рассматриваемые сосуды известны в культуре Поянешть-Выртышской (Bichir 1973: tabl. LXXXIX: 9, 10) (рис. 2: 24), в Мунтении (Bichir 1984: pl. XXVIII: 5, 6, 10, 11; XXIX: 11, 12, 14) (рис. 2: 28) и в Олтении (Popilian, 1976, tabl. LXV: № 791, 792) (рис. 2: 26). Сосуды Верхнего Потисья из мастерской Лужанка, хотя и имеют цилиндрическую форму, но заметно отличаются и стоят особняком, так как они орнаментированы или

же их цилиндрическая часть покрыта кольцевыми линиями и валиками между ними, придающими им своеобразный облик (Котигорошко 1995: рис. 20: 1-10) (рис. 2: 25, 29, 32). Сопоставление с ними оказывается довольно условным. Закарпатским мискам близок тип 2, выделенный на могильнике свободных даков Вэлень (Ioniță, Ursachi 1988: fig 67: 2). В Восточной Словакии цилиндрические сосуды не были массовой формой. Подобный обломок происходит из материалов поселения Шебастовцы-Барка (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 33: 14) (рис. 2: 36).

В керамике вельбаркской культуры с *цилиндро-коническими* мисками сопоставим один из вариантов типа ХаА (Wołagiewicz 1993: tabl. 27: 1) (рис. 2: 30).

Единая миска из могильника Токи (рис. 2: 10) характеризуется высоким четко выделенным вертикальным горлом, отделенным от тулова валиком. Венчик сильно отогнут. Тулово подчеркнуто округлое. Дно на плиточном поддоне. Форма хотя и возможна в черняховской культуре, но для нее не характерна, как и светлокоричневый цвет сосуда. Она не имеет никаких корней в керамической традиции культур циркумкарпатского региона и в вельбаркской культуре. Остается предположить, что происхождение этой формы связано с центрально-европейской керамической традицией.

Миски с S-видным профилем (рис. 2: 6-9) известны в пшеворской культуре с фазы С1b и выделены в тип XXVI (Dobrzańska 1980: 112, 113; гус. 10: d) (рис. 2: 35). В материалах мастерских Малопольши они образуют тип 3 со всеми его подтипами (Dobrzańska 1990, I: гус. 10: 3; II: гус. 19) (рис. 2: 31). На пшеворских памятниках Верхнего Днестра известны подобные миски, в частности на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 25: 12) (рис. 2: 27). В культуре карпатских курганов аналогом описываемой формы, возможно, является часть мисок типа 2 (Вакуленько 1977: 26; табл. XIV: 14). Они обычны у карпов (Bichir 1973 : pl. XC: 6,7; XCI: 7; XCII: 1, 4; XCIV: 4) (рис. 2: 33). Известны они также на памятниках Мунтении (Bichir 1984: pl. XXIX: 1) (рис. 2: 34). Иногда они имеют изощренную моделировку венчика (Bichir 1984: pl. XXVII: 3; XXVIII: 6, 8; XXIX: 1) и пролощенный орнамент внутри, что, скорее всего, указывает на античное происхождение. На памятниках Олтении подобные массовые сосуды отличаются сильно отогнутым наружу венчиком (Popilian 1976: pl. LXX: № 859-861, 863, 865, 866) (рис. 2: 37) и разнообразием моделировки деталей. Здесь эта форма применялась широко и была весьма разработанной. В Восточной Словакии подобная форма достаточно редкая и определяется как пшеворская (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 24: 7).

Единая форма – лощеная миска из могильника Ромашки (рис. 2: 11). Значительное

своеобразие ей придает пластичное оформление корпуса в виде прямоугольного в сечении «обруча», охватывающего сосуд в нижней части плеч над максимальным его расширением. Циркумкарпатский регион не дает убедительных аналогий для такого рода оформления поверхности сосуда. В вельбаркской культуре в группе XVIII на сосудах иной формы известен такой пластический элемент оформления (Wołagiewicz 1993: tabl. 37: 2).

Сопоставление форм открытых мисок выявляет два направления возможных генетических связей: гончарство пшеворской культуры и различных групп гето-дакийского населения. Пшеворские аналогии происходят из гончарных центров и поселений Малопольши (Иголомь, Зофиполь и т.д.), Верхней Силезии и восточной части ареала культуры на Верхнем Днестре. Немногочисленные аналогии на крайнем западе, в Восточной Словакии имеют, по мнению исследователей этого региона, также пшеворское происхождение. Время возникновения пшеворских аналогий в целом, как правило, относится к периоду С1b. В периоде С1a рассматриваемые формы открытых мисок в пшеворской культуре практически не известны (Dobrzańska 1990, II: гус. 19). Это значит, что их нельзя считать собственно пшеворскими. Лишь некоторые особенности форм, например, вогнутая внутрь придонная часть сосуда, уходят корнями в позднелатенское время. В целом пшеворская культура не является колыбелью тех форм открытых мисок, которые представлены в раннечерняховском керамическом комплексе. Либо она была посредником в их передаче далее на восток, либо эти формы появились в обеих культурах в результате одного импульса более или менее одновременно, может быть, в пшеворской культуре на несколько десятилетий раньше, чем в черняховской.

Сходства с керамическими формами гето-дакийских культур характеризуются тем что, чем дальше на юг и в Закарпатье, тем более изощренными, с моделировкой деталей и орнаментом, становятся отдельные формы. Очевидно, в этом проявляется влияние провинциально-римских гончарных мастерских.

Влияние керамической традиции вельбаркской культуры в развитии раннечерняховских открытых мисок минимально. Это сходство некоторых раннечерняховских мисок с частью сосудов вельбаркского типа ХаА. Кроме того, одна миска с ручкой-ушком является вельбаркской. Однако сходство отдельных форм ничего не решает, так как весь ареал явных и весомых аналогий открытым мискам охватывает такое время и такую территорию, в которых влияние вельбаркской культуры никак проявиться не могло.

Закрытые миски характеризуются, как и открытые, логическим развитием формы от округлой через округло-биконическую к жестко-

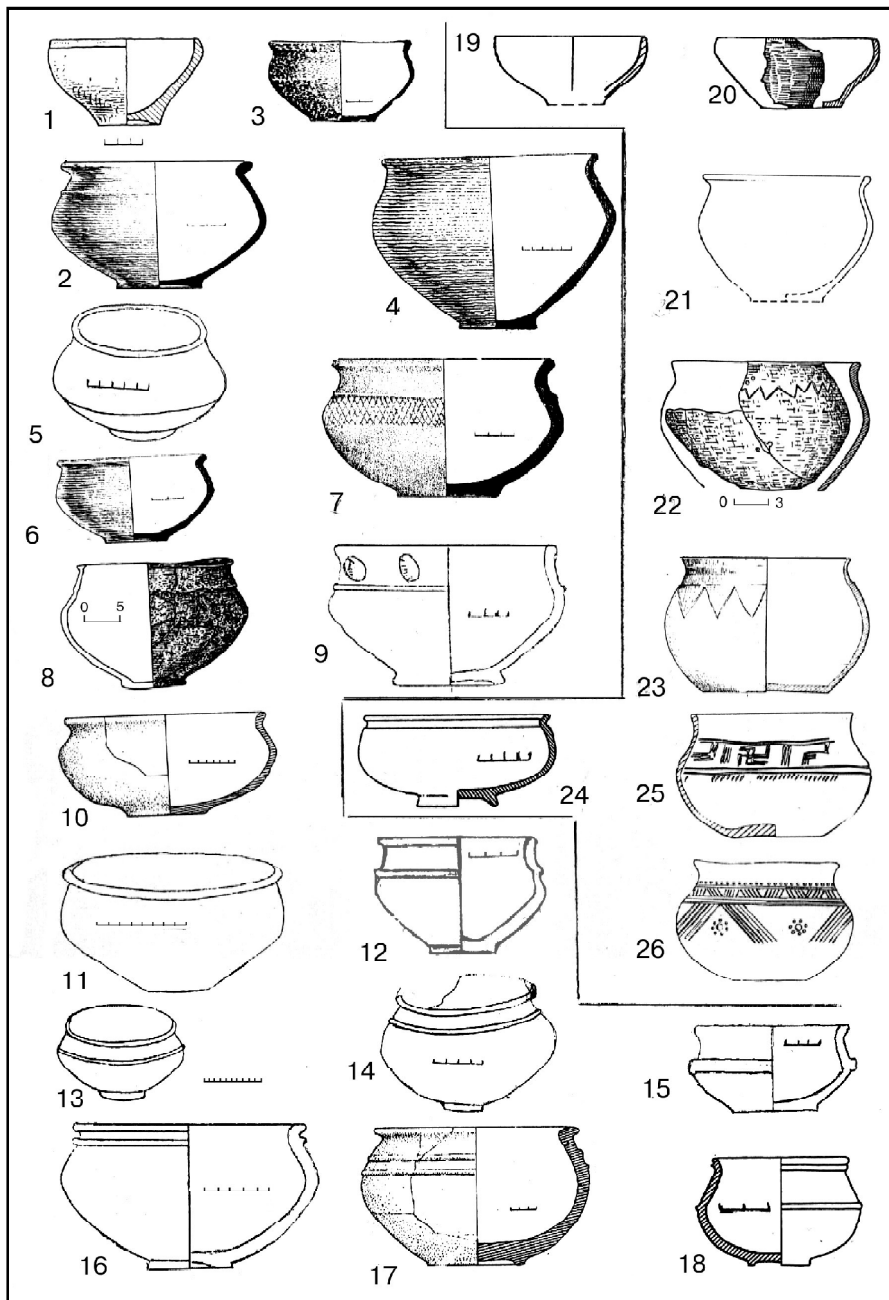

Рис. 3. Закрытые округлые миски. 1-18 - черняховская культура: 1 - мог. Ружичанка, п. 25; 2-4, 6, 7 - мог. Данчены, п. 122, 10, 371, 10, 371; 5, 13, 14 - мог. Чернелив Русский, п. 89, 130, 96; 8 - мог. Романковцы, п. 105; 9, 10, 17 - мог. Завадовка, п. 5; 11 - мог. Токи, п. 6; 12, 15, 16 - мог. Журовка, п. 34, 20 два сосуда; 18 - мог. Деревянное. 19-26 - материалы для сравнения: 19-21 - пшеворская культура; 22 - липецкая культура; 23, 25, 26 - вельбаркская культура; 24 - даки Олтении.

реберчатой биконической, в соответствии с чем и выделены их типы.

Тип 1 – миски округлые (рис. 3: 2-18). Их венчик утолщен или имеет вид простой закраины и всегда отогнут наружу. Поддоны кольцевые, реже плитчатые. Преобладают глубокие миски. Форма выглядит вполне развитой. Большинство сосудов украшено одним, иногда несколькими валиками. В одном случае это не валик, а прямоугольный в сечении обруч (рис. 3: 15). На одной из мисок ниже валика находится полоса пролощенной косою сетки (рис. 3: 7). У другой миски на шейке выше валиков расположен ряд пролощенных углубленных овов (рис. 3: 9).

В пшеворской культуре округлые закрытые

миски мало распространены. По материалам гончарных мастерских Малопольши выделен тип 33, существовавший с фазы С1в (Dobrzańska 1990, I: гус. 12; II: гус. 19) (рис. 3: 21). Он не имеет ни валиков, ни орнамента. Форма этих сосудов находится на грани открытых и закрытых мисок.

В иных культурах аналогии закрытым округлым мискам или отсутствуют, или весьма условны. Сходные по форме сосуды имеются в керамике Олтении (Popilian 1976: pl. LXVII: № 827, 829) (рис. 3: 24). Однако здешние миски кирпично-красного цвета. Г. Попилиан называет их обычной римской посудой и приводит им широкий круг аналогий в керамике провинциально-римских памятников (Popilian 1976: 123).

Сосуд № 827 датируется II – первой половиной II в., другие – началом III в.

Может быть, стоит обратить внимание на то, что аналогичная гончарная миска с пролощенным зигзагообразным орнаментом происходит с поселения липицкой культуры Ремезовцы (Цигилик 1975: рис. 45: 2) (рис. 3: 20). Других аналогий рассматриваемой форме мисок циркумкарпатский регион не дает.

Что касается возможности сопоставления с мисками вельбаркской культуры, то оно возможно только с сосудами типа VIA. Все они, конечно, лепные. Для них характерно отсутствие каких-либо поддонов, богатый орнамент и наличие валиков, ложбинок и уступов (рис. 3: 19-23, 25, 26), которых практически нет на рассматриваемых черняховских сосудах. Генетическая связь черняховских закрытых округлых мисок с этими мисками вельбаркской культуры выглядит мало вероятной, поскольку черняховские представляют собой вполне сложившуюся разработанную гончарную форму, в которой отсутствуют этнографические признаки вельбаркской посуды.

Единая форма закрытой округлой миски происходит из могильника Ружичанка, погребение 25 (рис. 3: 1). У нее отсутствует шейка. Край венчика слегка наклонен внутрь, что и заставляет считать ее закрытой. Дно на кольцевом поддоне. Придонная часть стенок вогнута вовнутрь. Вполне возможно, что этот сосуд типологически близок округлым мискам без шейки (рис. 1: 1-3) и разделение этих сосудов на открытые и закрытые в силу особенностей этой формы является крайне условным. Эту форму в закрытом и открытом варианте нам уже приходилось подробно анализировать в связи с изучением керамики памятников типа Этулия (Гудкова 1999: 287-288). Поэтому здесь мы несколько сократим ее характеристику.

На пшеворских памятниках верхнего Поднепровья такие лепные сосуды выделены Д.Н. Козаком как тип (Козак 1984: рис. 19:19, 20, 22) (рис. 3: 19). Известны они и в липицкой культуре в керамике поселения Ремезовцы (Цигилик 1975: рис. 37: 3; 43: 2-5) (рис. 3:20). Это позволяет думать, что форма таких мисок возникла на пшеворской основе. Наличие довольно отдаленных аналогий в керамике Олтении, пожалуй, не ставит под сомнение это утверждение. Там выделен 1 тип мисок, в котором присутствуют формально сходные формы (Popilian 1976: 122, pl. LXVI: № 808, 810). Однако эти сосуды красные, с красно-коричневым покрытием снаружи и внутри. Г. Попилиан характеризует эту форму как обычную, романизованную. Вопрос о ее происхождении в контексте провинциально-римской керамики требует особого исследования. На наш взгляд, нельзя исключить краснолаковых прототипов.

Итак, в целом происхождение закрытых округлых мисок с циркумкарпатским регионом и

вельбаркской культурой не связано. Может быть, определенную роль в передаче этой формы в черняховскую культуру на ее раннем этапе сыграли гончарные центры на юге Польши, но ее исток надо искать в Центральной Европе и на лимесе.

Тип 2 – миски округло-биконические (рис. 4: 1-11). Употреблением такого названия сделана попытка выразить то, что на тулове этих сосудов в уровне максимального диаметра достаточно четко виден перегиб. Он еще не реберчатый, но уже можно говорить о мягко выраженной биконичности этих сосудов. Венчик сосудов в виде простой скругленной закраины слегка отогнут наружу и дополнительной профилировки не имеет. Шейка слабо выражена. Дно на кольцевом или дисковидном поддоне. Несколько особняком стоят сосуды, у которых максимальный диаметр расположен в нижней трети высоты (рис. 4: 8-10). Часть сосудов украшена пролощенным орнаментом, часть имеет валики и уступы, но есть экземпляры и без всякой дополнительной отделки. Они лощеные или гладкие.

В пшеворской культуре фазы С1в округло-биконические формы представлены типами BVX и BVII (Dobrzańska 1980: 106, 107; гус. 6: f; 7: e) (рис.4: 12,13). Сосуды такого облика распространяются в основном в более позднее время. В Восточной Словакии изредка встречаются сосуды подобной формы (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 37: 4) (рис. 4: 16). Этим и исчерпывается круг аналогий округло-биконическим мискам. Для сосудов с низким положением максимального диаметра они нам в циркумкарпатском регионе не известны.

Ограниченные возможности для сравнения дает и вельбаркская культура. Это две формы мисок типов VI A и VI C (Woflagiewicz 1993: tabl. 17: 2, 19: 3) (рис. 4: 14,15). Все изложенное позволяет думать, что истоки возникновения рассматриваемой формы мисок лежат за пределами циркумкарпатского региона и вельбаркская культура тоже не оказала значительного влияния на появление этих сосудов. Этот вывод совпадает с тем, что установлено для типа 1.

Тип 3 – миски закрытые реберчатые (рис. 5: 1-15) характеризуются резким угловатым перегибом тулова, образующим острое ребро. Венчик слегка отогнут наружу и имеет вид простой скругленной закраины, но может быть и слегка утолщен подпрофилирован. Дно на кольцевом или дисковидном поддоне. Представлены глубокие и мелкие формы. Внешняя поверхность сосудов заложена или хорошо заглажена. Украшением служат только валики или уступы. Пролощенного орнамента не отмечено. Сосуды отличаются хорошей профессиональной выделкой, четким исполнением формы. Создается впечатление о том, что делавшие их гончары обладали достаточными навыками и опытом и реберчатая биконическая форма

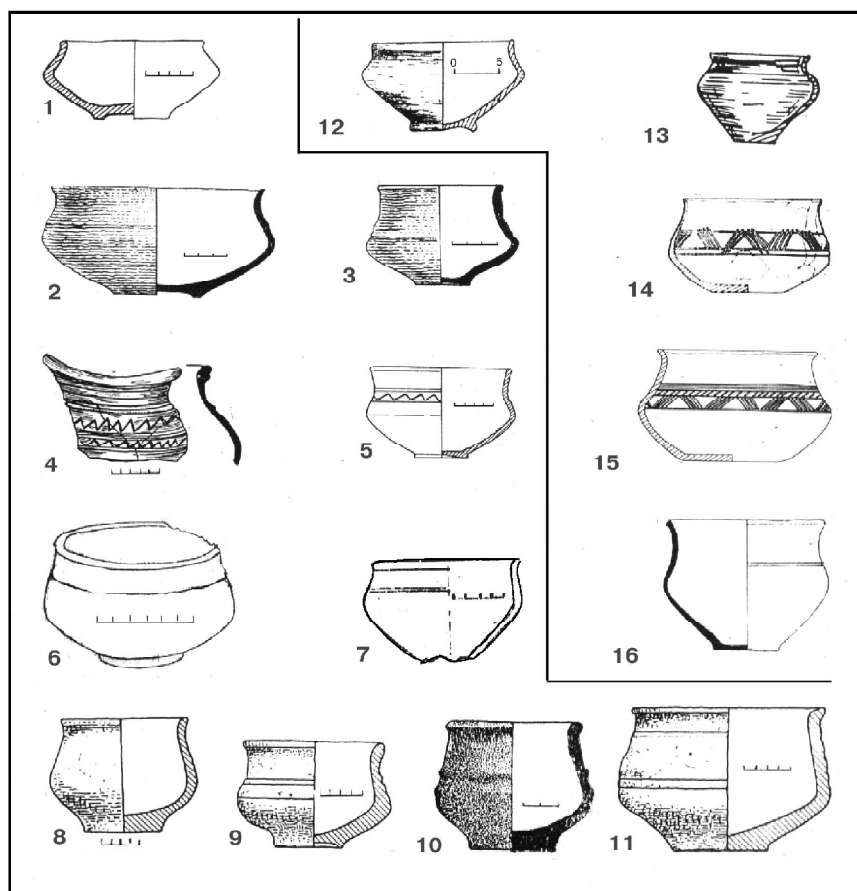

Рис. 4. Закрытые округло-биконические миски. 1-11 - черняховская культура: 1 - мог. Деревянное; 2, 3, 10 - мог. Данчаны, п. 371, 241, 234; 4 - пос. Черепин, жилище № 5; 5 - мог. Ромашки, п. 43; 6 - мог. Чернелив Русский - п. 94; 7 - городище Башмачка - постройка 3; 8, 9, 11 - мог. Ружичанка, п. 50, 8, 24. 13-16 - материалы для сравнения: 13 - пшеворская культура; 14, 15 - вельбаркская культура; 16 - Восточная Словакия.

сосудов была уже полностью освоена. Можно сказать, что облик этих сосудов, столь характерных для черняховской культуры, уже вполне сложился на ранней фазе ее существования.

В керамике пшеворской культуры нет аналогий закрытым реберчатым мискам, которые бы по времени своего существования предшествовали ранней фазе черняховской культуры или хотя бы были синхронны этой фазе. В пшеворской культуре такие сосуды, сопоставимые с черняховскими, распространяются одновременно с развитой и финальной стадией черняховской культуры. В пшеворских материалах Верхнего Поднестровья подобные гончарные миски имеются на поселении Подберезцы (Козак 1984: рис. 29: 8,11) (рис. 5: 16), но оно не дает узкой даты, поскольку существовало с середины I в. до н.э. и до конца III в. (Козак 1984: 44, табл. 4). Поздняя датировка реберчатых мисок в пшеворской культуре неминуемо порождает возможность предположения об их проникновении в нее из черняховской культуры. В культуре карпатских курганов материалы гончарных мастерских в Печенежине свидетельствуют о том, что реберчатые закрытые миски входили в состав столовой посуды (Вакуленко 1977: табл. XIV: 8,17,21) (рис. 5: 17, 19), но ведущей формой не являлись. Они вполне сопоставимы с черняховскими сосудами. К сожалению, не удается установить, как рано эти фор-

мы появляются в керамике карпатских курганов. Поэтому хронологическая интерпретация этого явления оказывается неясной. Допустимо как заимствование этой формы сосудов еще до сложения черняховской культуры, так и влияние ее гончарства. Кроме того, возможно предположение, что закрытые реберчатые миски появились в обеих культурах одновременно и из одного источника.

В культурах даков закрытые реберчатые миски единичны, и лишь отдельные из них сопоставимы с черняховскими (Bichir 1984: pl. XVI: 7) (рис. 5: 18). Возможно, к дакийскому населению они изредка проникали из черняховской среды.

В Восточной Словакии подобные миски зарегистрированы в небольшом количестве в позднеримское время на поселениях Сена и Шебастовцы Барка (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 38: 3, 4). Создается впечатление, что как и в культурах даков, имело место редкое проникновение форм сосудов черняховского типа, но в целом для местной керамики они были не характерны.

Таким образом, происхождение закрытых реберчатых биконических мисок с культурами циркумкарпатского региона не связано.

Что касается сопоставления с керамикой вельбаркской культуры, то общеизвестна присутствующая ей распространенность реберчатых би-

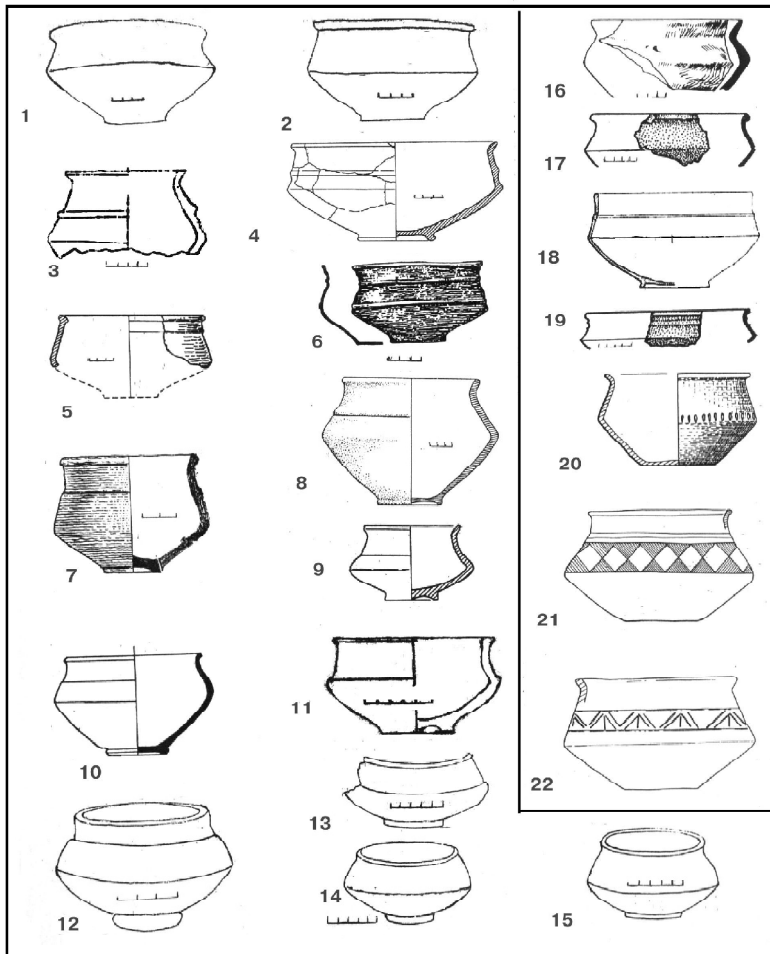

Рис. 5. Закрытые биконические реберчатые миски. 1-15 - черняховская культура: 1, 2 - мог. Раковец Чесновский, п. 4; 3 - городище Башмачка, строение 18; 4 - мог. Ромашки, п. 41; 5 - мог. Косаново, п. 19; 6 - мог. Романковцы, п. 47; 7 - мог. Данчены, п. 169; 8 - мог. Завадовка, п. 2; 9 - мог. Ромашки, п. 41; 10, 12-15 - мог. Чернелив Русский, п. 46, два сосуда, 103, 90, 89; 11 - мог. Журовка, п. 21; 12. 16-22 - материалы для сравнения: 16 - пшеворская культура, 17, 19 - культура карпатских курганов; 18 - даки Мунтени; 20-22 - вельбаркская культура.

конических форм различных сосудов, и не только закрытых мисок. Однако это явление трудно рассматривать как весьма значимое, так как оно одновременно присуще керамике различных групп германского населения Центральной и Северной Европы. Из числа вельбаркских мисок сопоставимыми с черняховскими закрытыми реберчатыми мисками являются сосуды группы V1B (рис. 5: 20-22). Все они имеют орнамент, не характерный для черняховской керамики. На них нет ни валиков, ни уступов, но применялись ручки-ушки.

В целом о происхождении закрытых мисок можно сказать, что некоторая связь с пшеворской культурой очевидна. Однако нами она воспринимается как слабый ручеек, а не мощный поток, потому что в самой пшеворской культуре эти формы не массовы и облика керамического комплекса не определяют. Создается представление, что в ней они не собственного происхождения, а заимствованы. Еще раз обратим внимание на то, что закрытые реберчатые биконические миски в пшеворской культуре ранее сложения черняховской не известны. Вопрос о том, служила ли пшеворская культура для раннечерняховского керамического комплекса передаточным звеном в распространении рассматриваемых форм или же их появление в пшеворской и черняховской культурах

шло параллельно, остается открытым. Таким образом, в целом картина такая же, как и с открытыми мисками. Появление закрытых мисок не связано с дакийскими культурами. Некоторое сходство с провинциально-римской традицией по материалам Олтении, скорее всего, чисто формальное и генетически явно не обусловлено. Немногочисленные и не очень определенные аналогии в липицкой культуре вряд ли имеют большое значение и пока не поддаются удовлетворительной интерпретации. Они не дают основания для предположения о прямом воздействии со стороны липицкой культуры. Совершенно очевидно, что керамика вельбаркской культуры не была той основой, на которой возникли закрытые формы раннечерняховских мисок.

Трехручные вазы (рис. 6: 1-7) представлены округлыми и округло-биконическими мисковидными формами, высокими и низкими. Все сосуды с невыделенной шейкой и ленточными ручками, которые прикреплены к венчику и плечу. Ручки имеют иногда продольные желобки. Венчик Г- и Т-образный. Дно преимущественно на кольцевом поддоне. Особняком стоит один экземпляр вазы на полый ножке или, можно сказать, на высоком поддоне. Четыре сосуда украшены валиками. Один имеет на плечиках косые каннелюры. Форма каж-

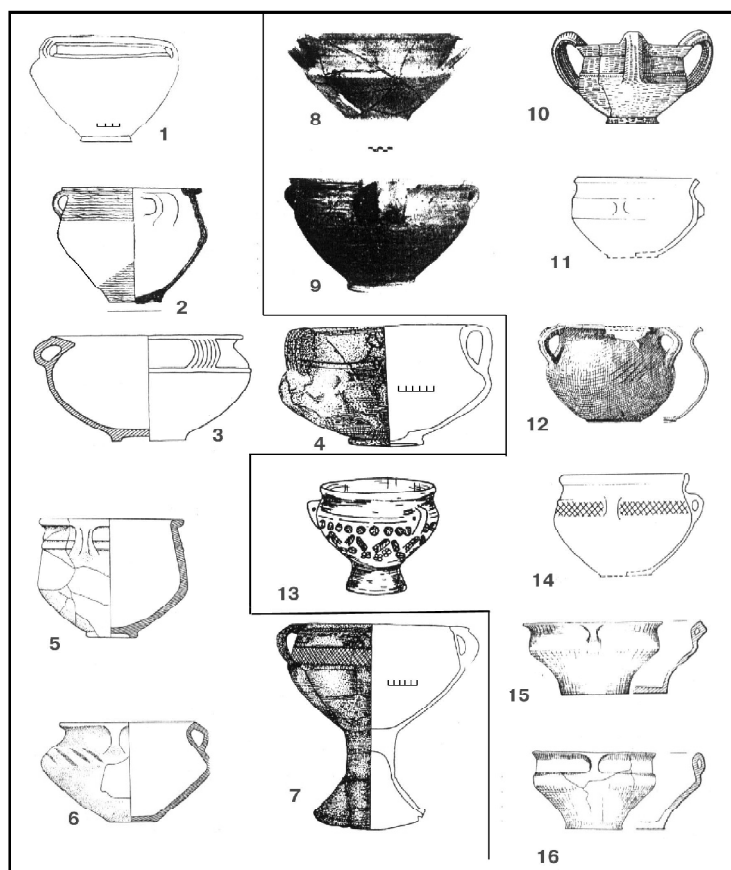

Рис. 6. Трехручные вазы. 1-7 - черняховская культура: 1 - мог. Раковец Чесновский, п. 4; 2 - мог. Данчены, п. 169; 3 - мог. Деревянное; 4 - мог. Романковцы, пог. 46; 5, 6 - мог. Завадовка, п. 2; 7 - мог. Романковцы, п. 105. 8-16 - материалы для сравнения: 8, 9 - карпы; 10 - липицкая культура; 11, 13, 14 - пшеворская культура; 15, 16 - вельбаркская культура.

дой вазы индивидуальна.

В пшеворской культуре трехручные вазы, в основном лепные, представлены в керамике позднего предримского периода и особенно в фазе В1 раннеримского периода (Godłowski 1981: tabl. II: 12; III: 3, 4, 5). В раннеримское время в фазе В2 для них обычен высокий поддон (Godłowski 1981: tabl. IV: 5, 11). Позднее они становятся как будто менее распространенными. Х. Добржанской отмечен сходный сосуд из погребения 182 в Хоруле, который она относит к фазе С1b (Dobrzańska 1980: 125, гус. 16: с) (рис. 6: 13). Для этого же времени относительно сходные трехручные формы сосудов выделены ею и в материалах гончарных мастерских Иголоми и прилегающего района. Это типы 7 и 14 (Dobrzańska 1990, I: гус. 10, 11) (рис. 6: 11, 14). Они заметно отличаются от раннечерняховских ваз тем, что венчик скругленный, а небольшие ручки-ушки расположены на плечах сосудов. Можно говорить только об общем сходстве.

В липицкой культуре известны немногочисленные кружальные трехручные вазы, но также другого облика (Цигилик 1975: 98; рис. 45: 1) (рис. 6: 10).

В керамике карпов иногда встречаются трехручные сосуды. Г. Бикир отмечает два экземпляра с поселения Бутнарешть и один из некрополя Барбоаса. По его мнению, для этой формы существуют гето-дакийские прототипы эпо-

хи латена (Bichir 1973: 85; pl. CVIII: 1, 2) (рис. 6: 8, 9). Сосуды из Бутнарешть имеют плоский горизонтальный венчик и кольцевой поддон. Их ручки ленточные. В целом эти сосуды сравнимы с раннечерняховскими. Следует, однако, обратить внимание на то, что у карпов они достаточно редки. Кроме того, известно несколько трехручных урн с крышками (Bichir 1973: 87; pl. CXLII: 1, 2). Они хотя и трехручные, но по форме ничего общего с черняховскими вазами не имеют. К тому же они красного цвета. Все это заставляет воздержаться от предположения о серьезных генетических связях этих сосудов у карпов и в черняховской культуре.

В культуре Милитарь Килия на ее позднем этапе спорадически встречаются трехручные сосуды (Bichir 1984: 35; pl. XIX: 1) (рис. 6: 12). Ручки у них ленточные с одним или двумя продольными желобками. Дно на кольцевом поддоне. Тулово округлое. И в этом случае Г. Бикир пишет, что они имели прототипы в гето-дакийской керамике эпохи латена. Кроме того, он отмечает, что эта форма испытала сильное римское влияние и отстоит от черняховских трехручных ваз дальше, чем трехручные вазы карпов.

В вельбаркской культуре трехручные сосуды, хронологически пригодные для сравнения с раннечерняховскими вазами, имеют с ними лишь весьма общее сходство (Wołagiewicz 1993: tabl. 28: 1, 5) (рис. 6: 15, 16) и вряд ли могут быть

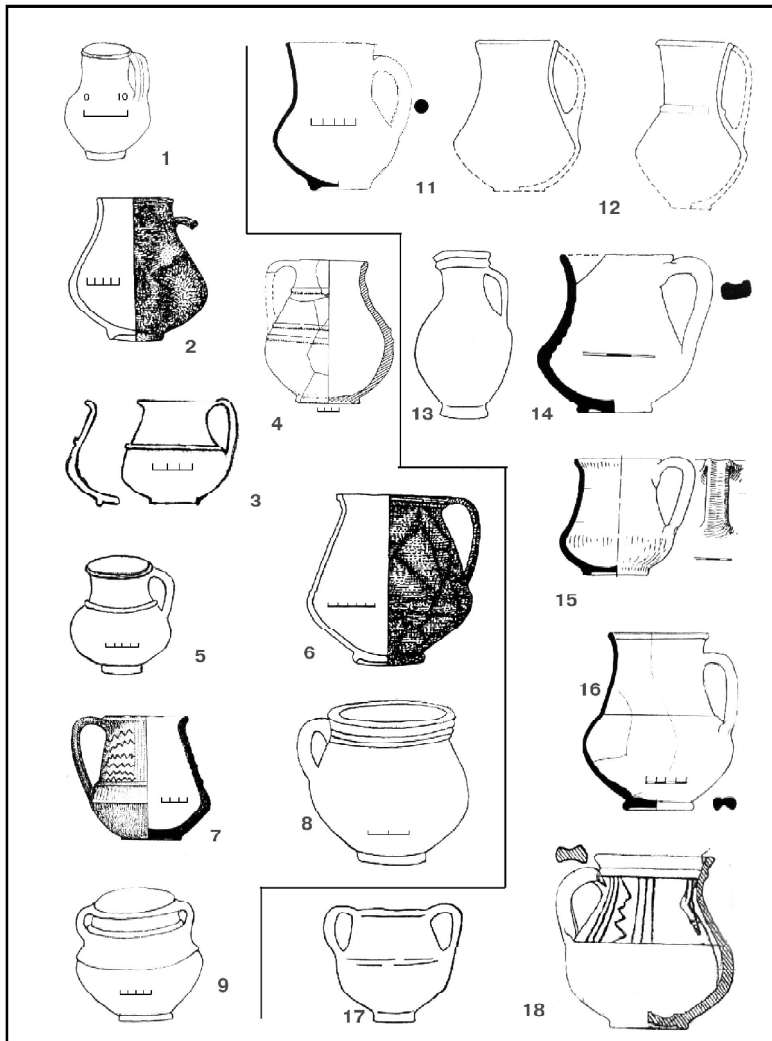

Рис. 7. Кувшины и кружки. 1-9 - черняховская культура: 1 - мог. Городница; 2, 6 - мог. Романковцы, п. 47; 3 - мог. Журовка, п. 34; 4 - мог. Завадовка, п. 5; 5, 8, 9 - мог. Чернелив Русский, п. 130, 46, 131; 7 - мог. Данчены, п. 371. 10-18 - материалы для сравнения: 10, 14-16 - карпы; 11, 12 - пшеворская культура; 13, 17 - липицкая культура; 18 - даки Мунтени.

прямыми генетическими прототипами. Единственный наиболее близкий черняховским вазам сосуд происходит из Масломенжа (Wolańiewicz 1993: tabl. 18: 4).

Проблемой происхождения трехручных ваз в черняховской культуре занимался Б.В. Магомедов (Магомедов 1997; 1998: 144). Результаты его исследования трудно сопоставимы с нашими наблюдениями, потому что он рассматривает черняховские вазы без подразделения их на хронологические группы. Тем не менее, общее его заключение, опирающееся, в частности, и на исследование Т. Домбровской, представляется возможным. Он полагает, что существование трехручных ваз в черняховской культуре связано с объединенным пшеворским и вельбаркским влиянием, а «...для некоторых типов черняховских ваз исходные формы прослеживаются на территории современной Дании». Что касается рассматриваемых раннечерняховских сосудов, то, по нашему мнению, они представляют собой вполне сложившуюся форму, уже заметно отстоящую и от пшеворских, и от ютландских прототипов и не находящую себе убедительных аналогий в вельбарк-

ском материале. Пожалуй, лишь пшеворская струя выражена в них наиболее ощутимо.

Кувшины и кружки (рис.7: 1-9) – это две формы, которые временами трудно различить. Анализируемая выборка слишком невелика, чтобы позволить четко провести их разграничение и мы не будем этим заниматься, условно именуя все учтенные сосуды кувшинами. При этом, разрабатывая им аналогии, мы будем пользоваться и сведениями о таких сосудах, которые изучающие их исследователи именуют кружками.

Все учтенные раннечерняховские сосуды, за одним исключением одноручные. Три кувшина имеют округлое тулово (рис. 9: 1, 4, 5, 9), четыре (рис. 7: 2, 3, 6, 7) – округло-биконическое, с расположением максимального диаметра ниже середины высоты сосуда. Венчик в виде простой закраины слегка отогнут наружу. Днища на кольцевом или плитчатом поддоне. Ручки верхним концом обычно прикреплены к венчику, нижним – к плечу. Часть сосудов украшена ва-ликама (рис. 9: 3-7, 9).

В целом создается впечатление, что для начальной стадии культуры кувшины малоха-

рактены и не являются широко распространенной частью погребального инвентаря, как это станет нормой поздней. Их форма проста и далеко отстоит от индивидуальных изоциренных кувшинов более позднего времени. Биконические формы с четко выделенным ребром, столь характерные для развитой черняховской культуры, полностью отсутствуют. Реберчатых форм нет. В целом типичный облик черняховских кувшинов еще не сложился. В этом отношении показательно, что раннечерняховские кувшины не удастся сравнить с формами, которые были типологизированы Б.В.Магомедовым как типично черняховские (Магомедов 1973; 1977: 114-115; рис. 1). Набор раннечерняховских форм достаточно разнообразный и из-за этого и по причине малого объема выборки трудно поддается систематизации.

Для пшеворской культуры в рассматриваемое время кувшины малохарактерны и начинают широко распространяться лишь в фазе D, то есть синхронно с развитой черняховской культурой (Dobrzańska 1980: гус. 19). В керамике гончарных мастерских Малопольши в фазе C1b выделены два типа № 25 и № 26 одноручных кувшинов с округло-биконическим туловом и расширяющимся кверху горлом (Dobrzańska 1990, I: гус. 12; II: гус. 19) (рис. 7: 11, 12). Максимальный диаметр у этих сосудов расположен ниже середины их высоты. Однако их сопоставление с раннечерняховскими кувшинами с таким же расположением наибольшего диаметра, вряд ли возможно, так как пшеворские сосуды имеют выраженную горловину и их форма в целом оказывается иной.

В гето-дакийских культурах разнообразные одно- и двуручные кувшины были распространены весьма широко. В липицкой культуре известны одноручные гончарные сосуды с округлым туловом (Цигилик 1975: рис. 48: 7-9) (рис. 7: 13). С ними более или менее сходен кувшин из Городницы (рис. 7: 1). Особенностью липицких двуручных сосудов является выступание ручек над уровнем венчика, что не характерно для черняховской культуры (Цигилик 1975: рис. 48: 1-6) (рис. 7: 17). Сравнение с липицкими материалами, на наш взгляд, не дает основания для серьезных выводов.

В культуре Поянешть-Вуртишкой одноручные кувшины весьма многочисленны и разнообразны. Они сероглиняные, часто с пролощенным орнаментом. Раннечерняховские округло-бокые сосуды могут быть сопоставлены с некоторыми из них (Bichir 1973: pl. CXXI: 1; CXXIV: 2, 4, 5; CXXV: 5; CXXVI: 3; CXXXIII: 3, 4; и др.) (рис. 7: 16). Однако кувшины карпов в массе несколько иные. В частности у них часто встречается широкое и высокое цилиндрическое горло. Сосуды с низким положением максимального диаметра, с которыми можно сопоставить соответствующие раннечерняховские, тоже были массовой формой (Bichir 1973: pl. CXXIII: 1-5; CXXIV:

1, 2, 4; CXXV: 2, 3) (рис. 7: 14, 15). Однако среди них много и не сопоставимых с раннечерняховскими. По мнению Г. Бикира, кувшины карпов имели местное происхождение и их корни находятся в гето-дакийской керамике эпохи латена. Значительного римского влияния на развитие этой формы посуды он не видит (Bichir 1973: 83). Двуручные сероглиняные кувшины тоже широко применялись у карпов (Bichir 1973: pl. XCIV, CXV, CXVII, CXX). Г. Бикир называет их амфорами и полагает, что одни их формы местного происхождения, а другие – результат римского влияния. В целом они довольно далеки от единственного учтенного двуручного черняховского сосуда, хотя бы за счет широкого применения на них пролощенного орнамента.

В культуре Милитарь Килия все кувшины сероглиняные. Профиль тулова округлый (Bichir 1984: pl. XX: 1, 6; XXIV: 1, 3, 5, 8) (рис. 7: 18). У части сосудов венчик имеет дополнительную профилировку. Обычно верхний край ручки прикреплен над венчиком. Применялся пролощенный орнамент. Все это не характерно для кувшинов черняховской культуры. По мнению Г. Бикира, одни формы могут быть местного происхождения, другие – сложились под римским влиянием. Двуручные экземпляры редки и встречаются лишь в позднее время (Bichir 1984: 35). Сравнение раннечерняховских сосудов с кувшинами, применявшимися у даков Мунтении, выглядит достаточно общим и формальным и не приводит к серьезным выводам.

В керамике Олтении кувшины как одноручные, так и двуручные, чрезвычайно многочисленны. Они красноглиняные, реже встречаются сероглиняные (Poriiian 1976: 95-108). Формы чрезвычайно разнообразны. Истоки отдельных из них могут быть местными, но в целом в этой посуде сильно проявляется провинциально-римское влияние. Сравнение с ними раннечерняховских форм не результативно.

В Верхнем Потисье одноручные кувшины – обычная форма сероглиняных сосудов, однако в целом они иные, чем раннечерняховские (Котигорошко 1995: рис. 21, 23: 1-4).

Таким образом, если сравнивать раннечерняховские кувшины с материалами гето-дакийских культур, то очевидно, что убедительные аналогии можно обнаружить только среди отнюдь не преобладающей, но и не малой части форм кувшинов культуры Поянешть-Вуртишкой, то есть карпов. Это явление уже не раз отмечалось исследователями, в том числе Б.В.Магомедовым, для черняховских кувшинов во всем хронологическом диапазоне их существования.

В целом анализ возможных путей генезиса раннечерняховских кувшинов дает размытую и неопределенную картину. Отметим, что в зоне сложения черняховской культуры в предшествующее время кувшины не были распространены. Следовательно, эта форма сосудов явля-

ется привнесенной с другой территории. Связи с пшеворской культурой не наблюдается, тем более, что и для нее в раннее время кувшины не характерны. Возможность связи с дакийской керамической традицией, конкретно с кувшинами только карпов, выглядит какой-то «однобокой». Если допустить прямое заимствование, то остается непонятным, почему оно было выборочным. Почему, например, кувшины с высоким цилиндрическим горлом совсем не были усвоены, хотя у карпов они обычны. То же можно сказать и о других карпских кувшинах. Все проведенные сравнения показывают, что округлобокие раннечерняховские кувшины не имеют явных прототипов в культурах циркумкарпатского региона. Их отношение с точки зрения генезиса к кувшинам гето-дакийских культур, в первую очередь к культуре карпов, вряд ли можно решать только на основе формально-типологического сходства. Необходимо выяснение исторической возможности такой связи. Не исключено, что раннечерняховские кувшины – явление самостоятельное и параллельное по отношению к сосудам карпов. Поскольку у последних они местного происхождения, то говорить об общих истоках вообще не приходится.

Происхождение двуручных кувшинов обычно связывают с античным влиянием и возводят их к амфорам. Г. Бикир так и называет их в материалах карпов амфорами (Bichir 1973: 80). Параллельно существует и иное мнение по вопросу об их происхождении, а именно на основе двуручных сосудов вельбаркской культуры (Каспарова, Щукин 1979: 163-164; рис. 13). Пока чисто умозрительно можно допустить параллельное существование обоих источников сложения этой формы. Очевидно, необходим ее более детальный анализ с разработкой внутренней типологии этих сосудов, чего на нашем материале сделать нельзя и потому для раннечерняховского керамического комплекса этот вопрос остается открытым.

Вопрос о происхождении биконических сосудов, которые иногда именуют кружками (рис. 7: 3, 6, 7), уже не раз привлекал к себе внимание исследователей. К.В. Каспарова и М. Б. Щукин пришли к выводу о том, что они восходят к вельбаркской культуре и через нее к лужицко-поморско-подклешевой среде (Каспарова, Щукин 1979: 161, рис. 12). С этим мнением соглашается Б. В. Магомедов (Магомедов 1998: 145), отмечая при этом наличие кружек у гето-даков. Сравнительные материалы, использованные К. В. Каспаровой и М.Б.Щукиным, действительно выглядят весьма убедительно. Нельзя не согласиться и с их мнением о том, что представление о восточных сарматских истоках формирования черняховских биконических кружек (Корпусова 1971) не очень убедительно.

Тем более, оно мало приемлемо для определения происхождения раннечерняховских сосудов, учитывая весьма малое влияние сарматов на черняховскую культуру на ее начальном этапе (Гудкова, в печати).

Кубки (рис. 8: 1-6). По форме они делятся на два типа. Первый – это миниатюрные мисочки и горшочки, ничем не отличающиеся от крупных столовых сосудов. Пролощенный орнамент применялся на них редко, валики – несколько чаще. Среди них выделяется кубок из Данчен, богато украшенный валиками и пролощенным орнаментом и имеющий форму собственно кубка (рис. 8: 7). Миниатюрные сосудики в виде мисочек и горшочков распространены в черняховской культуре достаточно широко, но в силу их малой выразительности и банальности формы на них редко обращают специальное внимание. Второй тип – обычные для черняховской культуры периода ее расцвета полусферические кубки с богатым индивидуальным штампованным и чеканным орнаментом (рис.8 : 8, 9). Такие сосуды можно считать признаком развитой черняховской культуры, но, как видим, они появляются на ее раннем этапе.

В пшеворской культуре миниатюрные горшочки, мисочки и сосудики, форму которых не определишь иначе как собственно кубки, известны как отдельные находки еще в фазе C1b (Dobrzańska 1980: гус. 14: с; tabl. II; 1990, I: гус. 11: № 12, 22) (рис. 8: 10, 12, 13) и широко распространяются в фазе D, то есть синхронно с развитой черняховской культурой, становясь определенным типом посуды. Тогда же появляются формы, близкие кубку из Данчен (рис. 8: 7) (Dobrzańska 1980: гус. 13: a-l).

В культурах даков кубки изредка применялись в качестве погребального инвентаря. Это собственно кубки усечено-конической формы (Вакуленко 1977: рис. 22: 6; Bichir 1973: pl. CXI: 4) (рис. 8: 14). В Восточной Словакии миниатюрные сосудики, которые, возможно, служили кубками, зарегистрированы в раннеримское время (Lamiowa-Schmiedlowa 1969: Abb. 37: 8-11) (рис. 8: 15-17).

Наиболее выразительные аналогии находим в керамике вельбаркской культуры. Это сосуды группы XVIII A, B, C и, возможно, группы XVII и XIX (Wolągiewicz 1993: tabl. 34, 35, 36, 38). Однако о сходстве конкретных форм говорить нельзя. Они так же разнообразны, как и у раннечерняховских кубков. Некоторые вельбаркские кубки близки полусферическим орнаментированным черняховским (рис. 8: 18-20). Возможно, эта аналогия и объясняет раннее появление кубков второго типа.

Таким образом складывается впечатление, что формирование раннечерняховских кубков в наибольшей мере связано с традициями пшеворской и вельбаркской культур.

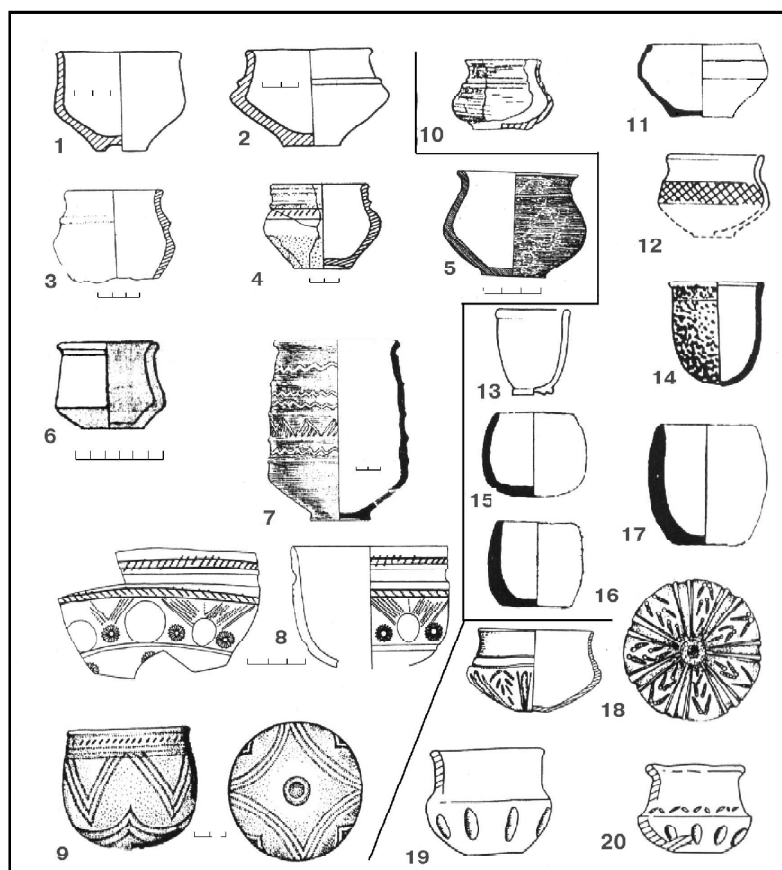

Рис. 8. Кубки. 1-9 - черняховская культура: 1, 2 - мог. Деревянное; 3, 4 - мог. Завадовка, п. 5, 2; 5, 8 - мог. Романковцы, п. 105, 47; 6 - мог. Журовка, п. 34; 7, 9 - мог. Данчены, п. 10, 371. 10-20 - материалы для сравнения: 10, 12, 14 - пшеворская культура; 11, 15-17 - Восточная Словакия; 14 - культура карпатских курганов; 18-20 - вельбаркская культура.

Хозяйственная грубоглиняная керамика

Грубоглиняная керамика состоит преимущественно из кухонных горшков, реже встречаются кувшины и миски. Известны также и зерновки, то есть большие сосуды для хранения запасов. Шероховатые горшки присутствуют среди ранних форм черняховской керамики, но в погребальных памятниках они достаточно редки. Они найдены в погребениях могильников Журовка, Завадовка и Данчены. Кроме того, в Данчанах и Журавке известны находки шероховатой посуды среди вторично обожженных черепков в заполнении могильных ям. В ранней фазе культуры, видимо, еще не существовала практика широкого использования этих горшков в погребальном ритуале, что станет нормой в более позднее время. В повседневном же быту такая посуда применялась достаточно широко. Об этом свидетельствуют материалы поселения Незвиско. Не вдаваясь в подробности его сложной стратиграфии, остановимся на материалах из хозяйственных ям № 31 и № 32, которые Г.И.Смирнова и М.Б.Щукин определяют как закрытые раннечерняховские объекты. В них среди другой керамики были найдены обломки нелощеных грубоглиняных гончарных сосудов, характерных для черняховских комплексов этого поселения (Смирнова 1964: 211, 212).

Сведения об употреблении шероховатой керамики раннечерняховским населением, полученные в Незвиско, подтверждаются массовым материалом нижнего слоя городища Башмачка. К сожалению, подробное описание шероховатой керамики сделано на этом памятнике суммарно для нижнего и верхнего горизонта. Так же дана и типичная форма шероховатого горшка (Смиленко 1992: 72; рис. 33: 11, 12) (рис. 9: 4). Полный послойный количественный учет грубоглиняной керамики (Смиленко 1992: 26; табл. 1) позволил дать их процентное соотношение со столовой керамикой. Если общее количество черепков этих двух категорий посуды взять за 100 %, то доля грубоглиняной керамики составит 30 %, то есть она была широко распространена, составляя почти треть всей посуды. В то же время при описании керамики нижнего слоя Башмачки А.Т.Смиленко приводит и другую цифру. Она пишет: «На городище Башмачка кружальные кухонные горшки (вид 1) (грубоглиняные – А.Г.) обязательно имеются во всех ранних постройках, правда, в количестве значительно меньшем, чем лощеные сосуды. В среднем кухонная керамика в раннем периоде составляла около 18 %» (Смиленко 1992: 87). Для нас важно то, что при любой из этих количественных оценок шерохова-

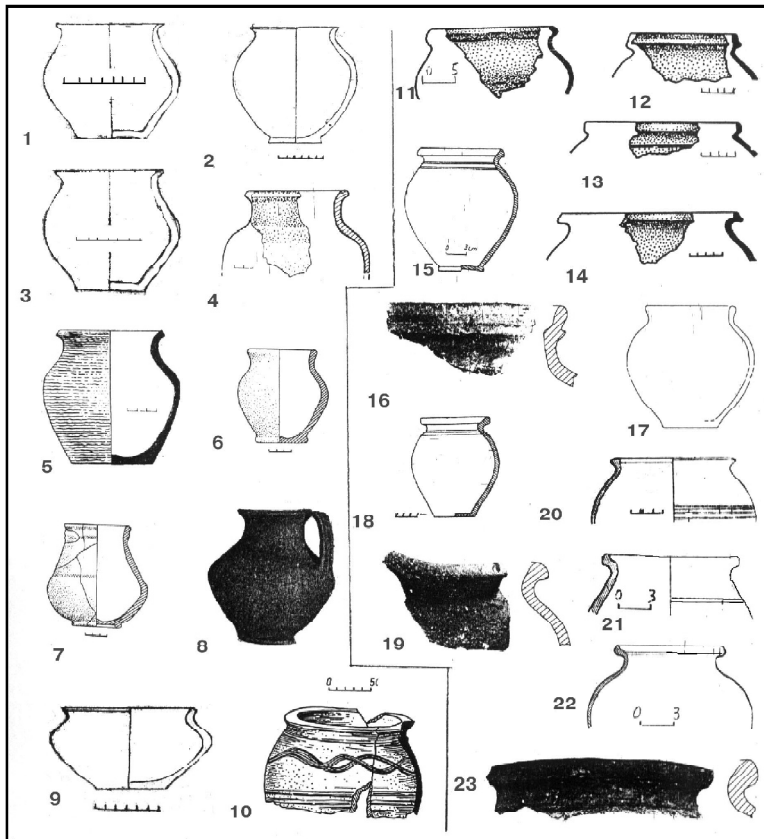

Рис. 9. Грубоглиняная керамика. 1-10 - черняховская культура: 1-3, 9 - мог. Журовка, п. 33; 4 - городище Башмачка; 5 - мог. Данчены, п. 371; 6, 7 - мог. Завадовка, п. 1, 2; 8 - мог. Раковец Чесновский, п. 4; 10 - поселение Черепин, строение 5. 11-23 - материалы для сравнения: 11-14 - культура карпатских курганов; 15, 18 - даки Олтении; 16, 19, 23 - Восточная Словакия; 17 - пшеворская культура; 20-21 - даки Мунтении.

тые кухонные горшки оказываются значительной составляющей частью керамического комплекса городища.

Есть сведения, что шероховатая керамика найдена также в ранних строениях на поселениях Верхнего Днестра и Западного Буга, где ее меньше, чем столовой посуды (Баран 1981: 89), хотя позднее она преобладает. Очевидно, что изготовление и употребление шероховатой керамики на ранней фазе культуры было обычным. Формы этой посуды свидетельствуют, что она появилась в черняховской культуре в уже сложившемся виде.

Ранние грубоглиняные горшки (рис. 9: 1-6) имеют преимущественно округлую форму. Венчик имеет вид простого края стенки без дополнительной профилировки, иногда немного утолщен. Дно оформлено по-разному: на плиточном поддоне или без него. Формы двух уценных одноручных *кувшинов* (рис. 9: 7,8) и одной *миски* (рис. 9: 9), как обычно в черняховской культуре, повторяют формы столовых сосудов и потому самостоятельного интереса для анализа не представляют.

В пшеворской культуре в южной части ее ареала шероховатая керамика была хорошо известна. В мастерских Иголоми, в Зофиполе и Новой Гуте она являлась основной продукцией. Много пунктов с керамикой этого типа известно в Верхней и Нижней Силезии. Спорадически она встречается в Средней Польше и известна в Куявах и левобережной Мазовии.

Х.Добржанская полагает, что она появилась в фазе B2C1 (Dobrzańska 1990, II: 107, 109). Среди горшков здесь есть форма, с которой вполне сопоставимы ранние черняховские сосуды (Dobrzańska 1990, I: гус. 13: 39) (рис. 9: 17). Она появляется в фазе C1b.

В культуре карпатских курганов кружальная керамика по технологии изготовления делится на две группы, одну из которых составляют шероховатые изделия. Они производились местными гончарами. Стратиграфия раскопанных памятников и недостаток датирующего материала пока не позволяет сказать, появилась ли шероховатая керамика с самого начала существования культуры во II в. н.э. или же несколько позднее. Во всяком случае, в середине III в. она уже производилась в мастерских Печенежина. По составу теста и способам обработки поверхности они составляют две разновидности. Одна из них — это так называемая посыпная керамика со светло-коричневым черепком и очень большим содержанием крупнозернистых примесей. Другая — шероховатые горшки, такие же как в черняховской культуре (Вакуленко 1977: 26, 28; табл. V: 21; табл. XI: 8, 9; табл. XIV: 9, 12, 13, 15, 20) (рис. 9: 11-14). От раннечерняховских их отличает только более сложная профилировка венчика. Это само по себе исключает заимствование таких горшков из черняховской культуры.

В Мунтении шероховатая посуда была составной частью керамики. Г. Бикир описывает

ее как особую категорию посуды (Bichir 1984: 37-38; pl. XXIII: 1-7; XXV: 1, 4; LX: 3-5) (рис. 9: 20-22). На тех памятниках, где возможны подсчеты, ее количество достигает 35%. От раннечерняховских здешние горшки отличаются усложненной моделировкой венчика, как в культуре карпатских курганов, и наличием на отдельных экземплярах орнамента в виде прочерченных линий. Г. Бикир полагает, что эта посуда была результатом прямого воздействия провинциально-римского гончарства (Bichir 1984: 38).

В Олтении бытовала подобная же шероховатая посуда, но здесь она отличается еще большей сложностью профилировки венчиков и разнообразием форм (Popilian 1976: 84-87; pl. XXXIII, XXXIV, XXXV: 343-346) (рис. 9: 15, 18). В сравнении с ними раннечерняховские горшки выглядят очень простыми, даже примитивными.

В Восточной Словакии в первых веках н.э. тоже была известна шероховатая посуда. Она тонкостенная. Цвет черепка варьирует от красно-коричневого до красного, реже встречается сероглиняная. Преобладающая форма – горшки (Lamiova-Schmiedlova 1969: 462; Abb. 25: 1, 2, 9, 11; 37: 12) (рис. 9: 16, 19, 23). На них встречается орнамент в виде горизонтальных прочерченных концентрических линий. Часть форм аналогична раннечерняховским, другие же имеют сложную профилировку венчика. В этом регионе такая посуда появляется в раннеримское время.

В заключении отметим, что в липицкой культуре и у карпов шероховатые горшки не применялись. Тем более они не известны в вельбаркской культуре.

Происхождение грубоглиняной шероховатой посуды, безусловно, в первую очередь горшков, связано с провинциально-римским гончарством, в частности с мастерскими Аквинкума и других центров Среднего Подунавья, Северной Фракии и на Рейнском лимесе. Это мнение достаточно прочно утвердилось в литературе. Шероховатая гончарная керамика как тип хозяйственной посуды появилась во II в. н.э., то есть еще до сложения черняховской культуры. Установлено, что гончарные мастерские античных городов Северного Причерноморья не сыграли никакой роли в появлении этого типа посуды в черняховской культуре (Гудкова, Крапивина 1990). Отсутствие шероховатой керамики в липицкой культуре и позднее у карпов в культуре Поянешть-Вуртешкой, иной облик форм горшков – и особенно профилировки их венчиков в материалах Мунтении и Олтении, – свидетельствуют о том, что шероховатая посуда проникла к черняховскому населению не от свободных даков и не из гончарных мастерских Нижнего Подунавья. Она распространилась на восток из Среднего Подунавья. Поскольку гончарные мастерские Малопольши специализировались на производстве именно такой кера-

мики, то вполне естественно думать, что они сыграли определенную роль в ее распространении далее на восток. Разная профилировка венчиков грубоглиняных горшков в культуре карпатских курганов и в раннечерняховских комплексах свидетельствует о сложности этого процесса, детали которого пока остаются неясными.

Зерновика имели некоторое распространение на ранних памятниках, но формы их почти не известны. Это связано с тем, что они никогда не входили в состав погребального инвентаря и их можно изучать только по материалам поселений. Возможности же для этого пока очень малы. В нижнем слое поселения Черепин в жилище № 5 (заполнение которого представляет собой закрытый комплекс) найдена верхняя часть типичного черняховского зерновика. Он украшен волнистыми и горизонтальными линиями, прочерченными гребенкой (рис. 9: 10). Возникновение жилища датируется концом II в. (Баран 1981: 132). Эта находка зерновика в раннем черняховском комплексе пока единственно достоверная. В нижнем слое Башмачки, в керамике которого так широко представлены шероховатые горшки, наличия зерновиков не отмечено. Такая мизерность материала заставляет нас воздержаться от анализа генезиса зерновиков в ранней черняховской культуре. Скажем лишь, что они, скорее всего, были ей присущи.

Итак, мы рассмотрели все, включая единичные, формы раннечерняховской столовой и кухонной кружальной керамики и провели сопоставительный анализ каждой из них с материалами культур первой четверти I тыс. н.э. в зоне вокруг Карпат. Это позволило попытаться определить истоки их появления в черняховской культуре. Соответствующие выводы были сделаны по каждой из выделенных групп и по уникальным сосудам. На этой основе становится возможным создать представление о связи всего рассматриваемого комплекса с керамикой каждой из культур, материалы которых были привлечены для сравнения. Связь с пшеворской культурой фиксируется по линии всех открытых мисок, за исключением *трех* единичных форм (одна из них вельбаркская, а две – аналогий в циркумкарпатском регионе не имеют), и не столь сильно, но все же существует по линии закрытых округлых и округло-биконических. Явная связь видна по трехручным вазам и миниатюрным сосудикам-кубкам в виде горшочков и мисочек. Чрезвычайно интересно, что часть этих пшеворских связей наблюдается и в материалах памятников Восточной Словакии. Там открытые округлые миски типа 1, первая единичной миска этого же типа и миски с выгнутой шейкой типа 2 трактуются местными исследователями как пшеворские по происхождению. Известны в этом районе и миниатюр-

ные мисочки и горшочки. Примечательно, что Восточная Словакия дает аналогии только пшеворского происхождения. Связи с пшеворской культурой для части перечисленных форм подкрепляются материалами на крайнем востоке ее ареала в Верхнем Поднестровье и Западном Побужье.

Возникает необходимость объяснения пшеворских связей. Рассмотрим их возможность с хронологической точки зрения. Имеется в виду определение времени возникновения гончарства и гончарных центров у пшеворского населения. Мнения по этому поводу не совпадают. Их обзор приведен О.В.Шаровым (1999: 32-33). Разница в датировках Л.Гаевского и К.Годловского составляет до полувека от 200 г. и до середины III в., что для нашей темы имеет принципиальное значение. Х.Добржаньска в своей монографии по Иголоми (Dobrzańska 1990, II: 32-33) выделяет три периода существования поселения в Иголоми. Нас интересует первый и второй. Первый датируется фазой С1а по К.Годловскому, то есть относится ко второй половине II – первому десятилетию III в. В этом периоде в сравнительно небольшом количестве появляется гончарная керамика и функционируют некоторые керамические горны. Второй период датируется переходом между фазами С1а и С1b и фазой С1b, то есть переход в абсолютных датах приходится на период от 110 до 130 г. и период С1b длится до 160 г. Это время расцвета поселения и функционирования большого количества обжигательных печей. Наши дальнейшие рассуждения мы базируем на этих определениях Х.Добржаньской.

Итак, о пшеворских связях. Они чисто логически могут быть двоякими, но для обоих вариантов истолкования необходимо учитывать, что речь не идет о наследовании черняховскими гончарами собственно пшеворской керамической традиции, а о передаче через пшеворскую культуру кельтского (латенского), германского и провинциально-римского влияния, поскольку большинство пшеворских аналогий фиксируется в самой пшеворской культуре лишь с периода С1b и не имеет корней в керамике предшествующего времени, то есть эволюционно с ней не связаны. Исключением являются только трехручные вазы и, – в определенной мере, – кубки первой группы. Однако представляется, что эти две формы сосудов имеют не только этно-культурную, но и сакрально-ритуальную характеристику. Их наличие в других культурах Центральной и Северной Европы, – и частично у карпов, начиная еще с последних веков до н.э., может указывать на существование у большого круга разнотничного населения в чем-то сходных сакральных представлений. Поэтому история распространения таких сосудов может быть совсем иная, чем у чисто бытовой посуды. Такое предположение делает понятным широ-

кий территориальный и культурный разброс аналогий этим сосудам.

Вернемся к двум вариантам посреднической роли пшеворской культуры. Первый: воспринятые пшеворскими гончарами влияния были ими переданы другим группам населения на территорию, где происходило формирование черняховской культуры. Это была передача моды и технологических новшеств без значительного перемещения населения с запада на восток. Сразу оговорим, что, хотя теоретически такой процесс и возможен, но в исторических условиях рассматриваемого периода он в чистом виде не реален. Скорей всего, он был сопровождающим фактором в процессах второго варианта. Возможно, в какой-то мере именно так шло распространение грубоглиняной шероховатой керамики из провинциально-римских гончарных мастерских. Поскольку пшеворские керамические центры, в значительной части специализировавшиеся на производстве этой посуды, возникли еще до сложения черняховской культуры, то в нее она могла попасть при их посредстве.

Второй вариант — это распространение на восток влияний трех названных типов в результате миграционных процессов. Об этом несколько подробнее — ниже.

Гончарная керамика липицкой культуры не дает убедительных и весомых аналогий. Надо особо подчеркнуть, что грубоглиняная шероховатая хозяйственная посуда в этой культуре вообще не применялась. Не исключено, что существование липицкой культуры прекратилось до появления в этом регионе такой керамики. Хронологическое смыкание липицкой и черняховской культуры, скорей всего, не имело места. Все это заставляет полагать, что липицкая культура не оказала заметного влияния на формирование раннечерняховской кружалной посуды. Это идет вразрез с мнением ряда исследователей, но факты – упрямая вещь.

Интересные результаты дало сопоставление черняховского материала с керамикой культуры карпатских курганов. Только в ней есть явные аналоги закрытым реберчатым биконическим мискам, столь типичным для черняховской культуры. Поскольку в других гето-дакийских культурах таких сосудов практически нет, то естественно связать их появление с внешним влиянием, с заимствованием. Трудно допустить, что черняховская культура на своей начальной стадии, когда ее керамика только еще формировалась, могла быть источником появления таких сосудов в культуре карпатских курганов. Скорей всего, происхождение таких мисок связано с территорией, а значит, и культурой или культурами, за пределами циркумкарпатского региона. Значение вельбаркской культуры в сложении и распространении этих форм мы оцениваем как весьма малое.

Аналогии в керамике карпов весомы, но не

охватывают не только всего, но даже и преобладающего набора раннечерняховских сосудов. Они очевидны для двух разновидностей типа 2 открытых мисок и для кувшинов, включая и те формы, которые часто называют кружками. При этом, как уже отмечалось, репертуар форм кушинов в керамике культуры карпов значительно шире, чем в раннечерняховской посуде. Такой выборочный и ограниченный характер сходств ставит под сомнение возможность прямого и непосредственного заимствования форм сосудов у карпов, даже, если подходить к этому вопросу с чисто типологических позиций. Требуется какая-то иная трактовка наблюдаемых аналогий. Возможно, предположение о том, что был какой-то общий исток, который повлиял на появление интересующих нас форм и у карпов, и в раннечерняховской культуре. Однако с этим не согласуется упоминавшееся выше утверждение Г. Бикира о том, что эти формы керамики имеют у карпов местное происхождение. Если это мнение правильно, то логически возможно другое решение вопроса, а именно, что карпские по происхождению формы в профильтрованном виде попали в черняховскую культуру через посредника. Это только логическое предположение и вопрос в целом остается открытым и требующим специального изучения. Не исключено, что карпские аналогии могут иметь генетическое значение, – по крайней мере, так думают многие исследователи, занимавшиеся проблемой происхождения сероглиняной керамики, – и потому заслуживают особого внимания.

Аналогии, выявленные в керамике даков Мунтении, Олтении и у населения верхнего Потисья совершенно очевидно характеризуются ярко выраженным влиянием провинциально-римского гончарства. Набор разновидностей форм сосудов разнообразней, чем в черняховской культуре. Они более разработаны и изощренны. Часть форм известна не только в сероглиняном, но красноглиняном варианте. Общеизвестно, что провинциально-римские гончары усвоили и переработали на высоком профессиональном уровне многое из кельтской и дакийской керамической традиции. Этот круг аналогий является параллельным по отношению к пшеворскому, но не свидетельствует ни о каких прямых и непосредственных отношениях и заимствованиях.

Оценка роли вельбаркского керамического наследия весьма важна, поскольку носителей черняховской культуры часто прямо и непосредственно отождествляют с готами. И хотя только по керамике вопрос о правильности такого отождествления не решается, тем не менее, рассматриваемая проблема может дать много для понимания этого вопроса. При оценке вельбаркских аналогий бросается в глаза, что из всего богатства форм вельбаркской керамики для сравнения могут быть привлечены

только немногие группы, а именно, группа ХаА для первой уникальной миски нашего типа 1 и для типа 2 открытых округлых мисок; группа VI А – для типа 1 закрытых округлых мисок; некоторые сосуды из группы VI А и группа VI С – для типа 2 (с низким положением максимального диаметра) тоже закрытых округлых мисок; группа VI В – для закрытых реберчатых биконических мисок. Наблюдается общее сходство для кубков нашего первого типа и несколько более яркое (но не массовое) – для кубков второго типа. По поводу трехручных ваз следует сказать, что в вельбаркской культуре они существовали, но формы их иные и прототипами для ваз черняховской культуры они служить не могли. Сопоставление вельбаркских кувшинов и кружек с раннечерняховскими не продуктивно. На основе всего изложенного правомерным представляется вывод о том, что вельбаркская керамика не послужила основой для формирования форм раннечерняховской.

Выходя за хронологические рамки нашей темы, отметим, что вельбаркские аналогии оказываются более значимыми для керамики периода расцвета черняховской культуры. Видимо, по этой причине у ряда исследователей, которые рассматривают черняховскую керамику в целом, без внутреннего хронологического членения, и возникает представление о большой роли в ней вельбаркского наследия. Предварительно складывается впечатление, что связь с вельбаркскими формами посуды проявляется сильнее в уже развитой черняховской культуре. А может быть, это явление надо понимать совсем по-другому. Оно может быть связано с тем, что у вельбаркских племен времени сложения черняховской культуры кружальная керамика еще не применялась. Поскольку она появилась в период расцвета черняховской культуры, то это могло произойти под воздействием последней, то есть заимствование шло из черняховской среды в вельбаркскую, и не только форм сосудов, но и самого гончарства. Однако на этих наблюдениях мы сейчас останавливаться не будем. В целом сравнение раннечерняховской керамики с вельбаркской дает по типу сходную, но несколько более насыщенную в количественном отношении картину, как и при сравнении с керамикой карпов. Это следует отметить потому, что однотипность ситуации дает косвенное подтверждение представлению о малой роли прямого воздействия вельбаркской керамики на формирование раннечерняховской. Для того, чтобы дотошно разобраться в смысле вельбаркских аналогий, необходимо в дальнейшем определить, как они соотносятся с керамической традицией других культур германцев. И еще надо учитывать взаимопроникновение пшеворской и вельбаркской керамики, возникшее за достаточно длительное время сосуществования этих культур на территории современной Польши и роли

оксывской культуры в сложении вельбаркской.

В итоге проведенного исследования можно сделать вывод, о том, что ни одна из культур циркумкарпатского региона и вельбаркская культура не послужили основным источником для формирования раннечерняховской керамики. Она возникла на основе мощного импульса, который, очевидно, сочетал в себе латенские, центрально-европейско-германские и провинциально-римские черты. Вопрос о дакийском вкладе остается открытым. Он мог быть опосредствован через провинциально-римское гончарство. Пока нет оснований предполагать о прямом и непосредственном вкладе культур дакийского круга в сложение раннечерняховской керамики. Вывод о латенском влиянии на сложение черняховской керамики не нов. Идея кельтского ренессанса широко распространена в литературе. В частности, она была ярко высказана М.Б.Щукиным в ряде его исследований. Конечно, речь не идет о прямом кельтском влиянии на формирование черняховской керамики. Передача латенского керамического наследия могла идти через влияние продукции провинциальных гончарных мастерских и через его заимствование отдельными германскими племенами. Фиксация именно в ранней черняховской керамике черт, которые не связаны ни с культурами циркумкарпатского региона, ни с вельбаркской культурой, позволяет продвинуться дальше в изучении этого вопроса. О разнотипных сероглиняных мисках культуры карпатских курганов изучающая ее Л.В.Вакуленко пишет: «Очевидно, распространение этих изделий на территории Карпато-Дунайского бассейна связано с влиянием гончарства придунайских римских провинций, где весьма ощутимыми были пережитки латенских традиций» (Вакуленко 1977: 27). Она отмечает, что часть форм этих мисок была распространена в черняховской культуре. Это мнение особенно симптоматично потому, что именно культура карпатских курганов дает наиболее богатый набор форм сероглиняных мисок, сходных с раннечерняховскими. *Мнение Смишко*: с особой яркостью воздействие провинциально-римского гончарства проявилось в наличии в раннечерняховской керамике грубоглиняной шероховатой посуды. Поскольку она явление надэтничное, то изучение путей и зон ее бытования в варварской среде позволяет как бы «в чистом виде» наблюдать распространение провинциально-римского влияния в гончарстве.

Мысль о том, что в основе процесса формирования раннечерняховской керамики лежит мощный импульс, сочетавший в себе латенские (в опосредствованном виде), центрально-европейско-германские и провинциально-римские черты находит подтверждение в появлении на поселениях поздних скифов в Северо-Западном Причерноморье пришлой сероглиняной гончарной керамики, которая прак-

тически неотличима от черняховской и включает как столовую лощеную с пролощенным орнаментом посуду, так и грубоглиняные шероховатые кухонные горшки. Зерновники обычной черняховской формы с широким плоским венчиком (Krausengefasse) странным образом изготовлены из тонкого теста, применявшегося для столовой посуды (Gudkova 1999; Гудкова, Малюкевич 1999). Бытование этой керамики относится к первой четверти I тыс. н.э., то есть она существовала до сложения черняховской культуры. Это время определено на основании многочисленного датирующего материала, происходящего как с поселений, так и из погребальных комплексов. Указывая на эту керамику, мы отнюдь не хотим сказать, что ее распространение в Северо-Западном Причерноморье послужило основой формирования раннечерняховской гончарной сероглиняной посуды. Пути истории были значительно сложнее. Появление этой керамики — результат пока еще не исследованного миграционного движения из Центральной и, может быть, частично Северной Европы, из какого-то района, где основные прототипы черняховской керамики возникли в начале нашей эры. Не исключено, что шероховатая провинциально-римская керамика была «захвачена» мигрантами по пути. Пока можно предположить, что формирование раннечерняховской керамики — результат миграционного импульса, вторично задействовавшего этот район.

Что представляли собой в этно-культурном отношении те люди, которые были носителями этого импульса? Ответ на этот вопрос вполне возможен, поскольку основная масса раннечерняховской керамики происходит из погребений, а они дают в этом отношении достаточно большую информацию. Конечно, они требуют с этой точки зрения специального исследования, но некоторые предварительные наблюдения достаточно очевидны уже и сейчас. Предварительно просмотрено в более или менее полном объеме 36 погребений, материалы которых использованы для настоящей статьи. Обобщенные фактологические данные выглядят следующим образом. В 12 погребениях присутствует вельбаркская лепная керамика, в 7 — пшеворская, в 7 — так называемые эльбские гошки со стянутым устьем и иногда с ногтевым орнаментом. Иногда эти признаки сочетаются в одном погребении. В нескольких погребениях известны прослойки из фрагментов вторично обожженной керамики. Есть неординарные погребальные конструкции. Ингуляция преобладает над кремацией. Из индивидуальных находок представлены вещи центрально-европейского и римского (реже) происхождения: поясные пряжки, бронзовая чернильница, различные подвески (ведерковидные, янтарные грушевидные и др.). В одной пятой части погребений найдены вещи из зо-

лота и серебра. Такое количество находок из благородных металлов необычно для черняховской культуры. Таким образом, налицо смешанный облик признаков. Те, кто формировал раннечерня-

ховскую культуру и, конечно, ее керамику, происходили из Центральной и, может быть, Северной Европы, ареала пшеворской и вельбаркской культуры. Дакийских элементов не отмечено.

ЛИТЕРАТУРА

- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Киев.
- Вакуленко Л.В. 1977. Памятки Підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття. Киев.
- Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.
- Винокур И.С., Островский М.И. 1967. Раковецкий могильник // МИА 139. М.
- Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Гей О.А. 1993. Хронология черняховской культуры // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М.
- Герета І.П. 1978, 1980, 1981, 1983. Звіти про розкопки могильника черняхівської культури в селі Токи Підволочиського району Тернопільської області у 1978, 1980, 1981, 1983 роках. Научный архив ИА НАН Украины, № 1978/94, 1980/63а, 1981/104, 1983/109.
- Герета І.П. 1976, 1977, 1979, 1980. Звіти про розкопки могильника черняхівської культури в селі Чернелів-Руський Тернопільського району Тернопільської області у 1976, 1977, 1979 1980 роках. Научный архив ИА НАН Украины, № 1976/51, 1977/38, 1979/52, 1980/63.
- Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Киев.
- Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.
- Гудкова А.В. 1997. Особенности этнокультурного процесса в черняховском обществе // Труды международного конгресса славянской археологии. Новгород 26-31 августа 1996 г. М.
- Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и черняховской культуры. Киев.
- Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1999. Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть 1 тыс. н.э.) // Stratum Plus, №4. СПб.-Кишинев-Одесса.
- Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могильяны-Хмельник в Ровенской области // ТГЭ, XX. СПб.
- Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Киев.
- Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. 3. Киев.
- Котигорошко В.Г. 1995. Фракийцы Верхнего Поти-сья (III в. до н.э. — IV в. н.э.).
- Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА. 139.
- Кравченко Н.М. 1973. Пам'ятки черняхівської культури на Поросці // Археологія. 8. Киев.
- Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном // СА. XXII.
- Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.
- Магомедов Б.В. 1973. До вивчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. 12. Киев.
- Магомедов Б.В. 1997. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. Т. III. Lublin.
- Магомедов Б.В. 1998. Вельбаркские традиции в черняховской гончарной керамике // 20 lat archeologii w Masłomeczu. Т. II. Lublin.
- Никитина Г.Ф. 1996. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.
- Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
- Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа // КСИА. Вып. 121.
- Смиленко А.Т. 1992. Городище Башмачка III-IVв. н.э. Киев.
- Смирнова 1964. Поселение у с. Незвиско в первые века нашей эры // МИА. № 116. М.
- Сымонович Э.А. 1960. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1960 г. Научный архив ИА НАН Украины, № 1960/26-а.
- Сымонович Э.А. 1961. Отчет о работах Средне-Днепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1961 г. Научный архив ИА НАН Украины, № 1961/20.
- Сымонович Э.А. 1979. Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья // СА. № 3.
- Тиханова М.А. 1957. о локальных вариантах черняховской культуры // СА. № 4.
- Цигилик В.М. 1975. Населення верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Киев.
- Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Киев.
- Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
- Шаров О.В., Бажан И.А. 1999. Черняховские этюды // Stratum plus. №4. Время «Че» К 100-летию черняховской культуры. СПб.-Кишинев-Одесса.
- Щукин М.Б. 1972 К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры у с. Незвиско // СГЭ. Т.35. Л.
- Щукин М.Б. 1975. О начальной дате черняховской культуры // Kultury archeologiczne i strefy kulturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich. Warszawa-Kraków.
- Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций) // АСГЭ. Вып. 79.
- Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев.
- Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. București.
- Bichir Gh. 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană.

- București.
- Dobrzańska H. 1980. Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej // *Archeologia Polski*. XXIV -1.
- Dobrzańska 1990. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igolomi, woj. Krakowskie. Część I, II. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Godłowski K. 1981. Kultura przeworska // *Prahistoria ziem Polskich*. T. 5. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Gudkova A.V. 1999. Die grautonige Keramik der Siedlung von Kozyrka in der Umgebung von Olbia (Zum Problem der Prototschernjachov-Keramik) // *Die Sîntana de Mureș-Tschernjachov-Kultur*. Akten des Internationalen Kolloquiums in Caputh vom 20. bis 24. Oktober 1995. Bonn.
- Ioniță I. 1986. Chronologie der Sîntana de Mureș-Cerniachov-Kultur // *Peregrinatio Gothica*. *Archeologia Baltica*. VII. Łódź.
- Ioniță I. 1982. Din istoria și civilizația dacilor liberi. Iași.
- Ioniță I., Ursachi V. 1988. Valeni o mare nekropola a dacilor liberi. Iași.
- Lamiova-Schmiedlova M. 1969. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Sudostslowakei // *Slovenska archeologia*. XVII-2. Nitra-Hrad.
- Popilian Gh. 1976. Ceramica romană din Oltenia. Craiova.
- Szczukin M. 1981. Zabutki wielbarskie a kultura czerniachowska // *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk.
- Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // *Anzeiger der germanischen Nationalmuseums*.
- Wołagiewicz R. 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin.